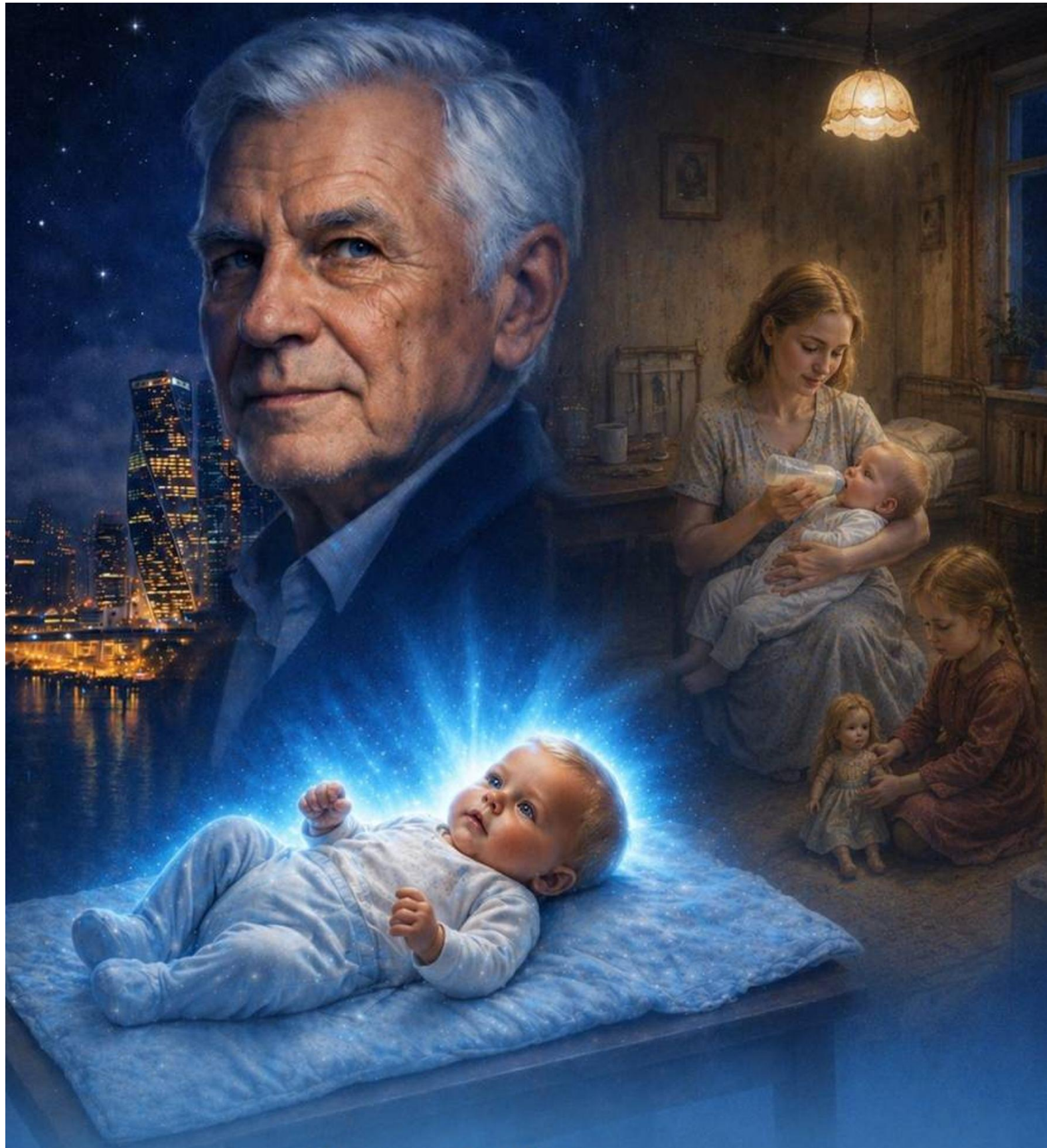

Сергей Шангин
СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Младенец

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

1

18+

Сергей Шангин

1. Союз нерушимый. Младенец

«Автор»

2026

Шангин С.

1. Союз нерушимый. Младенец / С. Шангин — «Автор», 2026

Попав в прошлое, так и хочется изменить его в лучшую, по своему разумению, естественно, сторону. При этом в голове, словно давно готовился к заброске, куча полезных сведений от ядерного реактора до лунного трактора, готовность сделать всё и даже больше ради великой цели. Но есть маленькая проблема – ты ещё даже не родился! Да и, появившись на свет, ещё не скоро сможешь приступить к реализации смелых задумок. Но ждать и догонять – не наш выбор, мы будем делать то, что можем, там, где мы есть, с тем, что дала природа и немного магии. Добро пожаловать в СССР 60-х, малыш! Тебя ждут великие дела, но для начала нужно подрасти!

Содержание

Аннотация	5
Жизнь только начинается	6
Предвестники	11
Жадность – враг экономии	13
Пустите обратно, хотя бы на денёк	16
И снова здравствуйте	26
На кого Бог пошлёт	32
Бдительность – наше всё	35
Дом, милый дом и... соседи	37
Где тут талоны на жизнь дают?	41
Месть – блюдо холодное	46
Быть примером хорошо, но накладно	49
Не родись красивым	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Шангин

1. Союз нерушимый. Младенец

Аннотация

Попав в прошлое, так и хочется изменить его в лучшую, по своему разумению, естественно, сторону. При этом в голове, словно давно готовился к заброске, куча полезных сведений от ядерного реактора до лунного трактора, готовность сделать всё и даже больше ради великой цели. Но есть маленькая проблема – ты ещё даже не родился! Да и, появившись на свет, ещё не скоро сможешь приступить к реализации смелых задумок. Но ждать и догонять – не наш выбор, мы будем делать то, что можем, там, где мы есть, с тем, что дала природа и... немного магии.обро пожаловать в СССР 60-х, малыш! Тебя ждут великие дела, но для начала нужно подрасти!

Жизнь только начинается

Вторник, 30.12.2025, Москва.

Предновогодняя суeta захватила и меня, хотя, если честно, праздновать особо не собирался. Не было желания. Да и не с кем. Позвонил Фёдору – старший сын – дежурные вопросы «Как дела? Как здоровье?» и не менее дежурные ответы «Жив-здоров! Подарки отправил на твой счёт, раздашь своим сам в Новый год!». Такое ощущение, будто сын занят чем-то крайне важным, чтобы впустую тратить время на телефонные разговоры. Спасибо, прозвучавшее, как пока и гудки в трубке. Это нормально? В нашей семье да.

То же самое и с Дашкой – дочка, в чём-то похожая на мать. Не внешностью, повадками прирождённой хищницы, постоянно просчитывающей варианты извлечения выгоды из всего, что её окружает, невзирая на степень родства. Несмотря на молодость, тридцати ещё нет, за спиной два замужества, ни одного ребёнка, зато собственная квартира в центре и неплохой счёт в банке. Самое весёлое, оба её бывших абсолютно уверены, что вся вина за развод лежит на них, поэтому даже не пытались поделить имущество.

Слава богу, деньги решают многие проблемы. Цинично, но, брось хищнику кусок мяса, и он на какое-то время перестанет тебя замечать. Так и с детьми. Моими детьми. Была семья, точнее, я так считал, что у меня есть семья, но жили мы не просто в разных плоскостях, а в двух несоприкасающихся реальностях.

В последнее время всё чаще посещают странные мысли – смог бы я стать богатым и успешным, не сдуйся проект «Советский Союз»? Если бы история пошла по иному пути, если бы Политбюро, состоявшее из полутрупов и циничных карьеристов, не создавало преград на пути к коммунизму, а искало пути его достижения? Если бы на смену Брежневу пришёл кто угодно, но не Горбачёв, продавший Союз и продавшийся сам американцам с потрохами? И ещё куча «если бы», не имеющих отношения к реальности. История не терпит сослагательного наклонения, она застыла, как муха в янтаре времени, и мы можем лишь судачить о ней, фантазируя, вот бы...

Если бы, да кабы, то в носу б грибы росли. Если бы у бабушки были яйца, она бы была дедушкой! Кто ты в сравнении с теми исполинами, что создавали историю? Да, они тебе не нравятся, ты бы поступил иначе, ты бы сделал так, чтобы Союз жил и развивался на зависть всему миру, стал передовой державой и построил коммунизм на одной шестой части суши. Хотя, как профессионал, я понимаю, не владея всей информацией, нельзя строить проекты будущего.

Сейчас архивы открыты, читай, учись, думай, но есть одна тонкость – историю пишут победители, поэтому за любой исторической личностью тянется шлейф образов, устраивающих ту или иную коалицию во власти. То он победитель и спаситель, то тиран и кровавый диктатор, то никто и звать его никак. Школьник, вступающий в жизнь, видит историю такой, какой её нарисуют к его времени, и отношение его к конкретной исторической личности будет именно таким, как в учебнике, потому что собственного мнения у него нет. А думать он должен так, как это удобно и выгодно стоящим у власти, иначе страной вообще сложно управлять.

Но так хочется сесть в машину времени, вдарить по педалям, отправиться к первоисточникам и развернуть телегу истории оглоблями в сторону светлого будущего, невзирая на нежелание власти и сопротивление оболваненного народа. Принудительно, насильно, ломая через колено, как в 1917-м! А сможешь, Лёха? Не надорвёшься? Не думаешь, что можешь остаться в памяти неблагодарных потомков таким же кровавым тираном, как все, канувшие в Лету до тебя? Вот этого и боюсь.

Ворчу, как старый дед! Хотя а кто я, если уже седьмой десяток пять лет тому назад разменял? В душе до сих пор молодой, словно и не было всех этих лет, событий, людей. Но зер-

кало врать не будет – дед, старый пень, отжил, отдай всё детям и на кладбище! Но нет уж, дудки, придётся вам, родственнички дорогие, потерпеть немного, у меня большие планы на эту жизнь!

Есть у меня радость на старости лет – Настенька! Нет, не любовница! Просто тёплый свет для души, сокровище моё тайное, скрытое от всех, тайна за семью печатями. Не с моей работой светить таким знакомством: найдут слабое место, обязательно в него ударят, чтобы заставить смягчить условия договора, решить именно их проблему без очереди или, что тоже вероятно, отказаться от уже взятого контракта. Не хочу, чтобы она и её дочка однажды стали заложниками и пострадали.

Это произошло весной прошлого года. Познакомились неожиданно и абсурдно – я чуть не задавил её, когда она переходила дорогу на пешеходном переходе. Ей горел красный свет, но это ведь женщина – шла, погружённая в какие-то свои внутренние разговоры, не обращая внимания на мелочи жизни вроде светофоров. А тут катит хозяин жизни на крутом Мерседесе, рядом на сидении портфель с гонораром от удачно завершённой сделки, пакет с дорогим бухлом и адреналин в мозгах, от желания отметить шумно это событие.

До последнего не верил, что она ступит на дорогу, толкая впереди себя коляску. Свет. Ведь. Красный. Вдавил тормоза резко, подумал, продавлю пол, мысленно готовясь к самому страшному. Представив, как сметаю с пешеходного перехода девицу и коляску, превращая всё это в кровавое месиво. Душа не улетела в пятки, а напряглась, как струна, расплзлась по машине, вцепилась в неё, пытаюсь помочь тормозам. Сердце замерло, пропали звуки, время остановилось.

Она, обнаружив неожиданную опасность, поступила чисто по-женски – ойкнула и закрыла коляску своим телом! Ага. Круто. Две тонны железа против пятидесяти килограмм мягкого тела. Повезло. Просто космически повезло – машина замерла, слегка упёршись в девушку бампером, а сзади не оказалось желающих дать мне пинка за неожиданную остановку.

Адреналин, в избытке выброшенный в кровь, вытолкнул меня из машины болидом неотвратимого наказания. Но желание высказать этой тупой овце всё, что думаю о подобных ей, пропало махом, как только встретился с ней взглядом. Куда-то исчезли слова, обида, злость, желания, мысли. Утонул в их бездонной синеве и каком-то волшебном чарующем сиянии.

– Алексей... Алексей Владимирович... – с трудом выдавил я, чувствуя себя отчаянно глупо. – Мальчик, девочка? – ткнув пальцев в коляску, спросил, боясь оторвать от неё взгляд, опасаясь, что она испарится, исчезнет, окажется галлюцинацией.

– Настя, – улыбнувшись, ответила девушка, будто и не было никакого происшествия, словно её жизнь только что не висела на волоске. – Девочка... пять месяцев... – и добавила, вздохнув, – извините, со мной такое случается!

И я пропал. Разом. Был жёсткий, циничный, уже ни во что человеческое неверящий прагматик Алексей Владимирович Волков: решала, способный за деньги, точнее, за очень большие деньги разрулить любой вопрос в сфере экономики, финансов некриминальным путём. И вдруг на его месте волшебным образом оказался наивный романтичный юноша преклонных лет, отчаянно влюблённый в доселе незнакомую ему девчонку. И вопроса не возникло, а вдруг замужем? Ребёнок ведь не от святого духа! Но нет, чётко знал – она моя и я её никому не отдам!

Снова почувствовал себя молодым, полным жизни, энергии! Бес в ребро? Нет, не похоже. Будто в душе зажглась лампада счастья, а от меня требовалось не погасить её случайно, уберечь от всех зол нашего сложного времени, делиться её светом с теми, кто внезапно стал мне ближе собственных детей и бывшей жены.

А потом закрутилось, понеслось, как на санках с горы. Коляску в багажник, Настю с дочкой в салон. Где детское кресло? Не положено! А попробуй меня остановить, мало не покажется. Мы болтали, как малолетки на скамейке, обо всём и ни о чём. Я не спросил, где она живёт, она даже не подумала мне об этом намекнуть.

Мы ехали по Москве, наслаждаясь стоянием в пробках, потому что могли говорить и наслаждаться откровениями, рассказывая о себе всё самое сокровенное... ну, почти всё. В каком бы состоянии я ни был, никогда не путаю жизнь и работу.

Да и не вся моя жизнь чистая и светлая, много в ней пятен, побольше, чем на Солнце. Не стоит даже намекать на существование тех самых пятен, лучше будет, спокойнее. Не мне лучше, а тому, кто случайно может узнать подобное. Не самые хорошие люди с теми тайнами связаны. Были и сплыли, ушло, быльём поросло, не доказано, не раскрыто, сдано в архив, а там и уничтожено.

Не люблю оставлять подобные следы. И болтать о таком категорически не люблю. Поэтому и бухло пью исключительно дома за семью замками – сам себе лишнего не сболтнёшь, а надраться иногда хочется до зелёных чертей, чтобы забыть многое из того, что сделано.

Но теперь в моей жизни есть по-настоящему близкие люди, с которыми хочется быть рядом всегда, но работа... С моей работой это невыполнимо. Урывками... звонками... встречами на прогулках. Но я был согласен на всё, лишь бы видеть их обоих как можно чаще.

– Настя, привет! Я подарки купил к Новому году – тебе и Валюшке! Скоро приеду! – расплывшись в счастливой улыбке до ушей, радостно сообщил в микрофон машины. – Как вы там?

– Ой, Лёша, ну, зачем столько подарков? Валюшка уже не знает, какую игрушку выбрать, чтобы поиграть, – она хихикнула и почти шёпотом сообщила, – не поверишь, она сегодня мне сказала «Ёша»! Представляешь?

– Круто! Значит, будем биться до победного, чтобы услышать – Алексей Владимирович, – засмеялся я, чувствуя, как напряжение последних дней мало-помалу отпускает.

Погода праздничная – мягкий снежок падает с небес, укрывая блестящим покрывалом асфальт и пряча от глаз проблему уходящего года. Настроение отличное, будущее видится исключительно в розовых тонах, планы грандиозные. Открываю окно машины, чтобы вдохнуть свежести. По радио играет весёлая музыка, диджеи поздравляют с наступающим, предчувствие праздника заполняет каждую клеточку моей души.

Все дела прочь. У меня теперь есть своя жизнь. Пусть её и немного осталось в силу возраста, но это счастливая жизнь. И я сделаю всё от меня зависящее, чтобы у Настёны с Валюшкой всё было хорошо! Обеспечу. Поставлю на ноги. Выучу. Дам путёвку в жизнь. И, самое главное, не допущу прежней ошибки – буду рядом душой и телом... по мере возможности. Очень буду стараться. Не упущу шанс, подаренный судьбой.

На следующей неделе подпишу договор купли-продажи и будет у моих девчонок новая квартира в элитном районе! Настя ничего пока не знает, и не надо ей знать, чтобы не портить праздник. Иначе обидится, скажет, что это слишком дорогой подарок. Она не содержанка и может сама заработать на квартиру. Ага. С её-то доходами. На квартиру в Москве. Лет через сорок. Да и то, если найдётся сумасшедший, готовый продать квартиру за дёшево.

Правильная девочка. Чистая душой и помыслами. Сейчас таких практически нет. И точно не содержанка и не любовница. Хотя сейчас это не редкость, когда папику за шестьдесят, а девочке едва за двадцать – никого не смущает разница лет в 40-50, потому что старичку хочется молодого тела, а девочке ни в чём себе не отказывать.

Так вот это точно не про Настю. Она считает, я какой-то чиновник, раз катаюсь на крутой тачке, но мелкого пошиба с небольшой зарплатой. Одинокий старик, скучающий по любви и семейному счастью, не навязывающий себя, просто находящийся рядом и помогающий там, где нужна мужская рука.

По большому счёту я, конечно же, решал и многие другие её проблемы, но так, чтобы она об этом даже не подозревала. В должности продвинул, убедил директора поднять ей зарплату и регулярно выплачивать премии из внебюджетных фондов, сформированных в его компании из моих средств для «поощрения перспективных сотрудников».

Приходилось маскироваться, премии получали и другие, но Настенька чаще, потому что постоянно получала от руководства сложные задания и успешно решала их. Ну, а я помогал по-дружески – у меня ведь опыт, знания, мне не трудно, а ей приятно.

Валюшке в жизни не повезло и повезло одновременно. Не повезло – с детства диагноз, ставящий крест на нормальной жизни. ДЦП. Повезло – Настенька оказалась из той породы матерей, которые своих детей не бросают. А вот с отцом проблема. Услышав, что она не согласна отказаться от дочки, подал на развод и исчез в далах голубых, не оставив никаких контактов. Так что тянули Настя с Валюшкой, как подбитый самолёт, на бреющем.

Но не унывали – Валюшка не понимала своего несчастья, Настя верила, что любые проблемы можно решить, нужно только настойчиво искать способ. Потом и я подключился, но пока прогнозы были неутешительны. Хотя в Германии совершенно точно есть профессор, способный в какой-то мере решить проблему, но... для начала нужно подрасти.

А потом сделаю всё возможное и невозможное, чтобы у Валюшки появилась надежда на светлое будущее. Отдам любые деньги! Зачем они мне? На тот свет с собой не заберёшь, просто раздать родственникам – заливать пожар керосином, сколько не дай, всё мало. Пусть на благое дело поработают мои богатства, спрятанные до поры по разного рода нычкам в квартире. Надёжно спрятанным!

А пока просто жили и радовались жизни. Встречались по вечерам, если у меня не было срочных дел. Настя кормила ужином или поила чаем, говорили о делах, спорили о событиях в мире и на работе. Именно в таком порядке, мировые события казались ей гораздо важнее того, что происходило рядом с ней.

Но именно в этот Новый год мы не могли встретиться – к ней в кои-то веки приехали родители. Понятно, что я совершенно не вписывался в картинку семейного праздника, поэтому придёт сидеть дома. Хотя мне не привыкать. Праздники заканчиваются, а вот потом...

Можно было, конечно, познакомиться, вместе посидеть за праздничным столом, но, учитывая, что «жених» старше родителей, выглядело бы это не просто смешно, а абсурдно. Потом бы пилили Настеньку, что связалась со стариком из-за денег, хотя, насколько я знаю, от тех самых денег, которые дочка им посылала всё чаще, не отказывались. Причём, что очень странно, даже не интересуясь, как она умудряется жить на одну зарплату, да ещё и родителей крупными переводами радовать.

Посылает, значит, не бедствует. Простые люди, простые нравы. Но что-то не видно и не слышно их было все эти полтора года, словно Настя детдомовская. Какая между ними кошка пробежала, говорить отказалась. Жила так, будто в её мире была она, Валюшка, работа и теперь я – странный дедушка, непонятно по какой причине взявший их под свою опеку.

И пусть этот Новый год мы проведём не вместе, но в душе они всегда рядом, и от этой мысли тепло на сердце. Не чувствую себя одиноким, всеми забытым стариком, от которого требуются только услуги и деньги. У меня снова есть семья! Любимая женщина! Мой, теперь уже, вне всяких сомнений, мой ребёнок! И как это выглядит со стороны, не имеет никакого значения – это моя Брестская крепость и я буду оберегать её до последнего вздоха и даже после него!

Кто-то скажет, думать о смерти глупо, но на мой взгляд не думать о ней преступно, потому что нельзя оставлять тем, кто тебе дорог, проблемы. Просчитай всё, заложи прочный фундамент их благополучия, не зависящий от твоего здоровья и долголетия и тогда можешь со спокойным сердцем отправляться к Богу. Так что есть мне, чем заниматься, пока жив!

Накатался по предпраздничному городу, устал как собака. День в разгаре, а сил нет совершенно, чувствую себя, как лимон выжатый. Смотрю на себя в зеркало, мысли в голове водят хороводы, но главная – что во мне такого Настенька нашла?

Лицо... да что там осталось от него?

Глубокие морщины, как трещины на пересохшей земле – каждая прожитая зима, каждый неверный шаг, каждое «потом». Щёки уже не держат форму, кожа осела, словно устала притворяться молодой. Уголки губ – опущены, будто сама жизнь тихо тянула их вниз год за годом или привычка выглядеть жёстким в разговоре с клиентом.

Глаза...

Когда-то, наверное, в них было что-то – огонь, дерзость, обещание. Теперь – свет приглушённый, осторожный, как лампа у постели тяжелобольного. Не угасший, но уже не зовущий. Взгляд постоянно уходит в сторону, будто боится выдать тайны или внутреннюю боль бесконечного одиночества. Седые брови нависают, придавая лицу вечную задумчивость – или усталость, кто теперь разберёт.

Лоб высокий, прорезанный линиями – не от удивления, нет, от слишком частых раздумий, результатом которых так часто становится крутой поворот в судьбе людей, связанных с очередным контрактом. Чертовски трудно быть судьёй, выносящим приговор, но другого не дано, потому что каждый контракт должен быть закрыт окончательно и бесповоротно. Волосы – серебро, не благородное, а скорее неизбежное. Аккуратные, но уже чужие самому себе.

И всё же...

Есть в этом лице что-то упрямое. Не красота – нет. Что-то другое. Прожитое. Настоящее. Как старая книга: потрёпанная, потемневшая, но, если открыть – уже не оторвёшься.

– Что она во мне нашла? – усмехнулся я, едва заметно покривив губы.

Может, не в лице дело.

Может, она увидела не морщины – а дороги.

Не усталость – а тишину, в которой можно спрятаться.

Не старика – а человека, который уже перестал притворяться и просто живёт, радуясь тому, что имеет, не заглядывая далеко в будущее.

Или... просто посмотрела глубже, чем я сам когда-либо осмеливался, и увидела там ребёнка, который продолжает верить в сказку.

Чёрт, дурацкие мысли, совершенно не к месту и не ко времени. Любовь – это иррациональное чувство, не подчиняющееся законам логики. Её нельзя взвесить или измерить, она есть или её нет, других состояний у любви не бывает. Всё остальное из категории – ну, жить-то как-то и с кем-то надо.

Устал, глаза слипаются, тело наливается тяжестью, хочется бухнуться на диван и уснуть. Плохая идея. Но так не хочется ничего делать. Я ведь не железный. Подождут дела, никто не умрёт, если я прикорну на полчаса. Просто полежу, чтобы тяжесть растеклась по телу, смыла дурацкие вопросы, остановила круговорот совершенно бестолковых мыслей. Всего полчаса, а потом проснусь и буду бодрым как штык! Наверное.

Предвестники

Дурацкий сон. Сколько раз себе говорил: не спи днём. Толку ноль, только вечер насмарку. Лучше перетерпеть, выйти прогуляться, в конце концов. Но сегодня не удержался: голова упала на подушку чугунной гирей, и сон навалился сразу – липкий, тяжёлый, как мокрое одеяло.

Ночной парк. Ярко горят далёкие фонари, лишь слегка освещая скамейку, на которой сижу я, с непонятной тоской вглядываясь в темноту. Жду чего-то, но понятия не имею, что именно. Кого-то или чего-то? Без понятия. Наверное, нужно встать и уйти, но тело не подчиняется моей воле, заставляя ждать неизбежного.

Где-то глубоко, сквозь пелену сна, пробивается дурацкая мысль, что врачи называют это недостатком кислорода. Но здесь, в парке, это не предупреждение организма, а что-то иное – как грядущее откровение. Хочется понять, что меня ждёт, но ответа нет и тоска сменяется страхом встречи с тем самым неизбежным.

Потом появляется он. Непонятного возраста. В тёмном осеннем пальто в любую погоду. В шляпе, надвинутой на нос. Безликий. На месте лица расплывчатое пятно, будто важный свидетель под госзащитой. Проявляется из ночной тьмы, как Чеширский Кот, и смотрит мне в глаза. Лица не вижу, но совершенно точно знаю, куда направлен его гипнотизирующий взгляд.

Обычно на этом сон и заканчивается – незнакомец просто исчезает, а я просыпаюсь в холодном поту, пытаюсь расшифровать странные намёки. Не тот уже возраст и здоровье, чтобы отмахиваться от подобного, хочется ещё пожить, разгадав ребус. Тем более, есть сейчас ради кого жить!

На этот раз всё пошло наперекосяк, будто незнакомцу надоело игра в намёки. Он вспыхивает призрачным огнём! По всему его телу бегут фиолетовые всполохи, будто он заряжен атмосферным электричеством и вот-вот из него полетят во все стороны ветвящиеся молнии, уничтожая всё живое.

Всполохи перебирают снежинки у него под ногами, находят дорожку ко мне и взбираются вверх по ногам, оплетая меня светящимся коконом. Чувствую, как кровь закипает, но сердце пропускает удары, не успевая разогнать этот кипятилок по телу. Хочется вдохнуть холодный морозный воздух, но лёгкие забыли, что они есть в организме.

Между нами всё ярче фиолетовая пурга. Я слышу шипение электричества, как на электрофторной машине. Волосы должны встать дыбом, но и они не чувствуют притока странной энергии. Ну, что я должен сделать? Говори уже, чёрт бы тебя побрал! Не понимаю я намёков от слова совсем!

Энергия переполняет меня, разрывая тело и голову жутким напором. Каждая клеточка наполнена ей, звенит от усилия, пытаюсь не лопнуть, удержаться. Ещё миг и взорвусь, расплескав внутренности по свежевывавшему предновогоднему снегу. В этот момент незнакомец взмахивает рукой и исчезает, произнеся напоследок загадочную фразу: «Спаси его! Верю, у тебя получится!»

И сразу сон долой. Подскочил, мокрый от пота, сердце стучит отбойным молотком, пытаюсь выскочить из груди, дышу, как загнанная лошадь, озираюсь по сторонам в поисках фиолетовых искорок, только что мельтешивших повсюду январской вьюгой.

Но нет, я в кабинете на диване, за окном вечер, обычный предновогодний вечер, ничем не отличающийся от множества ему подобных. Голова гудит. Хочется выпить, но знаю, это не тот клин, которым ватность вышибают – так и спиться можно. Чайку? И тут зазвенел телефон...

«Спаси его!», – повторил я вслух, глядя на телефон. – Кого конкретно? Понимаю, если бы незнакомец намекнул на «неё», можно подумать о скрытом желании спасти Настеньку и, особенно, Валюшку. Но речь идёт о каком-то мужике! Не чувствую за собой долгов по отношению к кому бы то ни было, по всем долгам плачу сразу.

Чёртов сон со своей дьявольской неопределённостью и этим жгучим фиолетовым пламенем, от которого до сих пор всё внутри чешется. И кто там звонит на ночь глядя, чёрт бы его побрал?

Жадность – враг экономии

– Алексей Владимирович? – голос, как у специалиста банка, готового впарить лоху «очень выгодный» кредит на совершенно волшебных условиях, только сейчас и только для вас.

Интересно, а кого ещё он ожидал услышать по этому номеру, известному только клиентам?

– Слушаю, – отвечаю безлико, безэмоционально, заранее смирившись, что пусть и зануда, но это потенциальный клиент, раз у него оказался мой номер.

– У нас образовалась проблема... м-м-м..., – в голосе смущение, как у пацана, которого родители застукали с девчонкой в спальне.

Ну же, родной, рожай уже свою проблему или отваливай. Моё время стоит дорого, я не собираюсь с тобой за чаем судачить следующие полтора часа. Завтра Новый год и я планирую встретить его пусть и в одиночестве, но по-человечески, а не за столом с кучей бумаг и чужих проблем.

– Хотите обсудить это по телефону? Прямо сейчас? Заказ на мыло, комиссию с курьером. Мои тарифы, надеюсь, знаете. Вопросы?

– Тут такое дело, Алексей Владимирович, м-м-м... как раз касательно тарифов... дело совсем небольшое и простое... можем ли мы рассчитывать на скидку?

Удивительно, у них явно подгорает, но это «небольшое и простое дело». А срок, который нарисует прокурор, тоже планируется небольшим? Время сейчас такое, с виду приличные люди и даже с кошечками тетешатся, а вот дела их настолько мерзкие и недостойные совестливого человека, что с души воротит. Но платят хорошо. Цену моим услугам знают и платят всегда, потому что я решаю любые проблемы. Обычно без криминала.

Закон суров, но он ведь, как дышло – в опытных руках можно вывести любую проблему под ноль. Правильно и вовремя составленные бумаги превращают самую гнилую проблему во вполне решаемый за деньги вопрос. Как говорится, спасибо, Господи, что взял деньгами!

– Если вы способны сами оценить размер и качество проблемы, вам её и решать. Ещё вопросы?

– Простите... не подумал... курьер будет завтра с утра, заказ отправлен в ваш адрес! Мы можем рассчитывать...? Понимаете, проблема очень запутанная... моя жена... я не хотел... ситуация просто вышла из-под контроля... Жена неожиданно захотела назначить аудит... а там бы возникло много вопросов... к тому же именно на неё оформлены все активы и открыты счета в банках... я не выдержал и того... она меня натурально выбесила, а у меня в руках бутылка виски была... В-в-ы меня понимаете?

Боже, что за идиот? Кто его на меня вывел? Он собирается обсуждать по телефону весь Уголовный кодекс?

– Давайте сейчас остановимся и не будем болтать лишнего, чтобы дело из небольшого и простого не стало нерешаемым. Договорились?

– Хорошо. Я понял. Жду вашего решения, Алексей Владимирович! Вы должны меня спасти! У меня одна надежда на вас! Без вас мне каюк! Спасите меня!

Идиот. Клинический идиот. Обязательно нужно было три раза называть меня по имени? Номер оформлен на левую личность. Будут пробивать, найдут несоответствие. Нужно обязательно узнать, кто ему меня рекомендовал, и вычеркнуть его из списка клиентов – терпеть не могу безответственных болтунов.

Хм-м, а что это он там болтал о необходимости спасения его никчёмной жизни? А вдруг это именно ему я должен помочь? Где-то там во вселенском разуме выстроились особым образом кирпичики, двинулись шестерёнки и выпала мне участь стать спасателем именно этого

человечка. Так-то дело, не выходящее за рамки обычной практики, есть заказ, есть гонорар и... есть идиот, убивший собственную жену.

Лучший вариант, отказаться немедленно, чтобы не пойти паровозом в уголовном деле, но формально ни о чём криминальном я не в курсе, только и исключительно финансы и экономика, подкреплённые нормами права и ловкостью рук. Чёртов провидец, о ком ты говорил, кого я должен спасти? Не может Вселенная спасать идиотов! С другой стороны...

Стоп, Лёха, ты давно не мальчик, хватить верить снам! Жизнь проста и незатейлива, как пистолет Макарова. Даже проще, потому что не перезарядишься – отстрелял обойму, добро пожаловать в переработку. Так что выкинь из головы эту муть голубую... фиолетовую, если быть точным, и проверь почту.

Что в заказе? Вот не хотел же смотреть! Правило номер раз – нет гонорара, нет работы. Сидим ровно, дышим спокойно, ждём денег. Но тут прямо зуд какой-то в руках, так и хочется побыстрее узнать, что за дерьмо мне подкатили в самый Новый год? То ли сон сбил с панталыку или невозможность провести этот вечер с Настей и Валюшкой раздражала. Нужно чем-то занять мысли, чтобы вырваться из порочного круга несбывшихся желаний. Короче, как говорят алкаши, неожиданно вышедшие из завязки, не удержался.

Хм-м, ощущение, что заказчик – клинический идиот только укрепилось. Кто же так дела ведёт? Вот же баран бестолковый! Придётся первичку запросить и править, править, править, потому как по этим бумагам их посадят по-любому! Внаглую гнать готовую продукцию налево и проводить это в официальных документах! Это ведь нужно быть настолько уверенным в себе идиотом! Понятно, почему он так испугался угрозы проведения проверки – сразу всё вылезет, и жена его посадит, точнее, посадила бы, увидев, сколько бабла мимо её кошелька пролетало.

Грохнул жену, на которую была оформлена вся недвижимость и четыре компании. Но кто же так делает? Ты сперва бумаги правильные подготовь, а потом амурные дела топором решай! Или некогда было? Занят был важным вопросом, куда бы ещё потратить те миллионы, что сыпались на тебя буквально с неба, медленно, но неизбежно подводя жену, как владельца активов, к банкротству?

Грубо и цинично, но в этих вопросах я полностью на стороне хирургов – будешь проявлять сочувствие и эмпатию к тому, кто лежит на операционном столе, считай, одним покойником больше в морге станет. И никто ведь слова не скажет, потому что ты даже всплакнул, услышав о кончине пациента, но все поймут, нужно искать ему замену. Так что просто делай, Лёха, то, что умеешь лучше всех, оставив эмоции другим.

То, что заказчик грохнул жену, не моё дело, криминалом я не занимаюсь и на своих клиентов не стучу в органы, хотя иногда чертовски хочется. А вот с документами полный швах. Нужно срочно менять картинку, чтобы активы не разбежались по наследникам. Вся уголовная муть мимо, не мои компетенции, я только экономист, финансист, юрист и точка. С кем вы там будете трупы закапывать, не мои проблемы, а вот активы... с активами можно поработать. Даже интересно.

Есть у меня один художник на подхвате. Шедевральных полотен не пишет, но подписи копирует, мама не горюй! Ни одна экспертиза не подкопается. Так что составляем список документов на переделку... нужно обязательно получить оригиналы... А тут у нас что?

Нет, он точно клинический идиот или совсем никого не боится! Какое отношение этот «свечной заводик» имеет к вашей семье? Решил до кучи отжать у соседа, чтобы два раза не ходить? Свои фирмы уже на ладан дышат, а эта явно в гору идёт, обороты набирает, как раз то, когда сам ничего не умеешь – просто отжать и жить дальше по тому же сценарию.

Ну, суки зажавшиеся, вам это встанет по двойному тарифу! Нет, я не чистоплюй, но и наглеть не стоит. Одно дело – привести дела собственника в порядок, уладить проблемы семейного бизнеса, другое – вот так походя отжать чужую собственность, потому что «хочу». И ни малейших сомнений в моих компетенциях – он сделает, мы же платим.

А ты подумал, друг сердечный, какие у тебя лично после этого проблемы возникнут? Да, сейчас не 90-е, братва с битами не прикатит на стрелку, тебя культурно уберёт снайпер или бомба под днищем. Но, соглашусь, вы платите, я делаю, чужие проблемы моими не станут, потому что меня в ваших разборках нет.

Что-то в груди кольнуло, будто мотор заработал с перебоями, дыхание перехватило. Нервы совсем ни к чёрту? Или расстроился, что мог бы сейчас с Настей и Валюшкой быть, а вместо этого чужое грязное бельё перетряхиваю?

Ох, ты ж, засиделся, полночь скоро, а зря – здоровье ни за какие деньги не купишь, беречь его нужно смолоду или, когда его уже осталось совсем чуть – каждый день на вес золота. Теперь точно нужно спать ложиться и пусть весь мир подождёт до завтра!

И куда ты, карась, без гонорара в тину ломанулся? Будут деньги, будет пицца, как говорится в святом Писании. Завтра курьер, надеюсь, в костюме Деда Мороза, притащит мой гонорар. Уберу его в сейф, и остаток дня проведу в привычной всем россиянам подготовке к Новому году.

Оливье сделаю. Какой Новый год без оливье? Колбаски с сыром порублю. Позвоню своим девчонкам, поздравлю с наступающим, а уж потом с новыми силами возьмусь разгрести этот заказ, если к тому времени заказчика ещё не пристрелят или, что гораздо хуже, не посадят в СИЗО, произведя выемку всех документов.

Сказано, сделано. Упал в постель и уснул сразу. На этот раз без снов, что необычно, но приятно. Закрыв глаза и сразу темнота. Оно и лучше – сны мешают мозгу отдыхать, а мозг – мой кормилец! Баю-баюшки-баю, спи, боец, а то убьют! Нам бы день простоять, да ночь продержаться, а там вырвусь на оперативный простор и начну наступление по всем фронтам! Шашки наголо, аллюр три креста, пошёл, пошёл, пошёл! Но это потом, а сейчас спать!

Теперь можно. На сегодня все дела закончены. Если и будем кого-то спасать, то только завтра! Нигде не горит, никого не убивают... точнее, я об этом ничего не знаю, поэтому имею полное право на крепкий и здоровый сон. Дедушке можно, дедушка старенький, из него уже песок сыпется, ха-ха. Однажды вот так лягу и не проснусь! Страшно? Нет. Так даже лучше, чем страдать годами от невозможности покинуть этот мир, мучая себя и близких. Но это мысли, просто мысли, потому что сейчас адски хочется спать!

Пустите обратно, хотя бы на денёк

Среда, 31.12.2025, Москва

Странно. Сон не сон. И тьма не тьма. Ощущение, будто проснулся, но вставать лень. Даже лечь поудобнее не хочется, потому что ничего не отлежал в том самом беспробудном сне. Глаза закрыты, но всё вижу. Не очень ясно, но вижу.

Глянул на часы, висящие на стене, – большие, старинные, купил у антиквара задорого, – полночь, стрелки, будто салютуя, замерли в верхней точке. А как глянул-то, если даже головы не повернул? Чертовщина какая-то. И почему собственный затылок вижу? Эй, а почему я не дышу? Я что, умер?

Умер. Совершенно точно умер. К бабке не ходи. Сердце остановилось ровно в полночь, словно не желая переползть в Новый год. Тело, будто брошенный чемодан без ручки осталось на кровати, а сам я... точнее, душа воспарила под потолок и едва не улетела куда-то дальше, но беспокойство остановило.

Стоп! Отставить панику! Ты спишь и это просто сон, необычный, непривычный, но сон. Точнее, кошмар, ужастик. С чего ты, Лёха, решил, что помер? Увидел себя со стороны? Угу, железный факт, но во сне и не такое бывает! Сон – это твои знания, опыт, фантазии, сплавленные в неимоверную картинку, которую твоё сознание воспринимает совершенно нормально, потому что всё это твоё.

Сон позволяет всем этим ипостасям существовать одновременно, чтобы ты мог увидеть новые возможности, горизонты развития, неожиданные и неочевидные проблемы и решения. Подсознание, не скованное условностями бытия, работает активно, вытаскивая из потаённых тёмных уголков памяти всякую муть, на которую ты не обращаешь внимание, считая это несущественным.

Сейчас сон даёт тебе уникальную возможность взглянуть на себя и собственную квартиру со стороны, будто некий независимый арбитр должен принять решение, отвечаешь ли ты строгим критериям успешного человека или нет. Вот ты и вылетел из тела, ошарашенно оглядываясь по сторонам, пытаешься прислушаться к биению собственного сердца и дыханию.

А их нет! Часы тикают. Где-то на улице слабо орёт полусдохшая автомобильная сигналка. На кухне из плохо закрытого крана капает вода. А сердце не стучит. И лёгкие не гоняют воздух, спеша наполнить кровь кислородом. Если это сон, самое время подкинуть ему иной вариант, в котором я просыпаюсь живее всех живых, вдыхаю полной грудью и чувствую, как сердцу тревожно в груди. Тревожно, но оно бьётся, стоя на страже моей жизни!

Ну, кому-то особое предложение требуется? Тук-тук, товарищ, пора вставать, дела сами себя не сделают, хватить лодыря гонять! Сейчас чайку с мёдом попью, радио послушаем, в себя придём! Сон, я с кем разговариваю? Извини, но эта картинка слишком статическая – старик, лежащий лицом в подушку, никому не интересен, в приличном сне он обязательно что-то делает. Или не делает, если... это не сон.

Не умеет сон строить версии, делая это логично и последовательно. Сон порождает совершенно фантастические теории и картинки, плохо связанные друг с другом, а не железные факты. Мысли совершенно чёткие, цинично жёсткие, неприятные, но вполне соответствующие ситуации. И размышляет не тело, лежащее на диване, а именно дух, висящий над ним в состоянии близком к истерике. Нет больше Лёхи, отпрыгался Лёха, умер ты, Лёха, к бабке не ходи!

Как же так? Не сказать, что жизнь прожил и готов к встрече с Богом! Есть планы, желания, чувства и посередине всего этого жирная точка – всё, касатик, потрепыхался и хватить! А как же Настя? Кто вылечит Валюшку? Нужно договор на их новую квартиру подписать! Эй, я не готов ещё, не время помирать! Дайте отсрочку на месяц... ну, на неделю, да хотя бы на

день – всех подниму, на уши поставлю, сделаю самое важное и тогда забирайте к себе, сопротивляться не буду! Хоть в Ад, хоть в Рай, на всё согласен! Один день! Вам жалко, что ли?

Глас вопиющего в пустыне. Кому ты нужен, Лёха, после смерти? Или заплатишь, как привык, за прямой доступ к Богу, чтобы там, в кабинете, тет-а-тет порешать дела? Ой, не верю, что Богу интересны твои деньги! В его ведении душа и твои прегрешения. А деньги? К дьяволу деньги!

Примут местные бюрократы твою душу в Чистилище, взвесят доброе и злое на весах Истины, выпишут билет в один конец, в точном соответствии с тем, как жил. Нет до тебя дела Богу. Жди своей очереди, Лёха. Не трепыхайся, чтобы лишних грехов не нахватать по незнанию. Смирись с неизбежным, преклони голову перед Вечностью, ощути себя песчинкой в мельнице времени!

А вот выкуси, наши не сдаются! Всегда есть выход из любого положения! Нужно пытаться, а не изображать из себя кающегося грешника! Под лежащий камень мы всегда успеем! Пока не утащили ангелы или черти на тот свет, ищи возможность вернуться к жизни! Люди по двадцать лет в коме лежат, потом просыпаются и такого рассказывают, что твоя мелкая проблема в сравнении с этим всего лишь небольшое недоразумение, с которым нужно разобраться решительно и жёстко, как ты умеешь, Лёха!

Говорят, душа, воссоединившись с телом, способна вернуть его к жизни. Пытаюсь, не получается. Не пускает, чёрт бы его побрал. И так пытаюсь и сбоку, и сверху, и через естественные отверстия, а толку ноль – как только приближаюсь к телу, будто током ударяет! Душу? Током? Бред какой-то! Душа – бесплотна, обычная энергия, фантом информационный, не может её током бить, да и откуда в моём родном, но уже мёртвом теле генератор тока? Бред!

Вспоминай, Лёха, книжки, что читал по скуке на сон грядущий! Что там о проблемах души говорилось? Про душу не очень внятно, путаются авторы, а вот тело не может сразу умереть – медицинский факт. Ну, остановилось сердце и что с того? Мозг продолжает работать ещё минут пять-шесть! Так что атакуй эту тушу, пока есть надежда! Твоя задача – запустить мотор, иначе кранты мозгу и тогда точно труп без вариантов!

Как там у Высоцкого? «Ты их в дверь, они в окно!» Не пускают обычным образом, ищи подход или долбись в неприступную стену всей массой души! Всей массой? Нет. Идём от противного. Вытягиваемся в тончайшую нить... а как? Как хочешь! Душа должна знать свои возможности, как тело таблицу умножения! Тянись, если жить хочешь!

Теперь осторожненько, между клеточек, вливаемся, стараясь не потревожить церберов мёртвой плоти, тянемся к мозгу, ищем вместилище... а как оно выглядит? Я откуда знаю? Опираемся на то, что в этом «помещении» сейчас пусто, потому что душа вышла погулять!

Нет ничего. Там всё пусто, как в доме под снос – жилыцы выселены, мебель вынесена, комнаты и окна нараспашку, делай что хочешь, всё равно сносить. Тогда методом перебора – «комнату» за «комнатой», чулан за чуланом, тыкаемся и ждём реакции, где-то отзовется своё, родное. Ти-ши-на. Оно не может не отозваться, потому что я свой, родной, я тут жил, тут всё пропитано мной и моей жизнью! Эй, я вернулся! Вашу мать, куда всё подевалось? Кот из дома, мыши в пляс?

Стоп. Откуда ты знаешь, когда сердце остановилось? Почему ты решил, что душа отошла именно в момент остановки сердца? С чего ей покидать живого человека? Отказ любого органа не означает моментальную смерть, а всего лишь приводит к шоку и потере сознания. Потом наступает клиническая смерть. И только за ней... Она потому и потеряла связь, что тело по факту умерло, мозг умер, некому и нечего запускать.

Сейчас заведи любым волшебным способом сердце, получишь овоща безмозглого. И что выбираешь, Лёха? Бли-и-и-н, тоска! Вот сейчас точно тоска, как в том самом сне дурачком? Ну, что тебе стоило, прорицатель, вместо фейерверка дурацкого простым человеческим языком

сказать – Лёха, бегом к врачам, чини мотор, а то сдохнешь! И я бы побежал, вот те крест! Наверное. Э-э-х!

Самое обидное, никому и дела нет до того, что я помер! Полночь. Дрыхнут все. Завтра на работу, последний день, празднование уже с обеда, не до дохлого соседа. У всех дела, планы, в которых мои проблемы места не занимают.

Чужие люди. Здрасьте... добрый день... опять подъезд не убирают... и всё общение. Как звать, где работают, какие проблемы – не ваше собачье дело! Мы в домике, в раковине, у вас своя жизнь, у нас своя и не надо в неё лезть грязными лапами!

Ну, почему бы тому сердцу не дать сбой на улице, в магазине, еще лучше прямо в больнице на приеме у кардиолога? Был бы шанс на то, что врачи заведут мотор, вернут меня к жизни, при необходимости операцию сделают, позволят небо коптить ещё лет десять-двадцать-тридцать! Но нет же, в пустой квартире, где ни жены, ни детей, ни собаки – ни-ко-го!

Чертовски обидно вот так висеть в воздухе и осознавать, что на кровати лежишь ты, но уже мёртвый и холодный, никому не нужный, совершенно бесполезный. Хотя, почему же ненужный? Очень даже нужный! Как в той юмореске: папа – это не только сто килограмм мешающей жить плоти, но ещё и деньги, переходящие по наследству!

Дети, как только проблемы в жизни или просто денег не хватает, бегут к папке – спаси-помоги-выручи, век не забудем, обязательно вернём! Ну, папка, теряя тапки, бежит спасать детишек, перечисляя на их счета свои кровные, даже не надеясь не то, что на возврат, а и на обычную человеческую благодарность. Я ведь папка, я ведь по жизни и до гробовой доски им должен! А они мне нет. Потому что оказанная услуга ничего не стоит.

Так что не стоит напрасно ждать благодарности. Суровая правда жизни. Хотя каждый раз ёкает что-то в душе, а вдруг? Вдруг вспомнят, что я не просто свинья-копилка, а отец, который в детстве с ними играл, книжки им читал, решал их многочисленные детские проблемы. Вспомнят и скажут: «Спасибо, отец! Если бы не ты, нам бы жилось гораздо хуже!» Но нет, не случается того самого вдруг – проблема решена, до следующего раза папку можно забыть. У них своя жизнь, полная радостей и удовольствий, в которую старик не вписывается.

Жена. Бывшая жена. Уверенная, что я все эти годы чертовски страдаю от нашей разлуки и ночами плачу в подушку, мечтая вернуть любимую жёнушку обратно. Ха-ха три раза! После развода перекрестился, не веря в собственное счастье, свечку в церкви поставил, там же святой воды прикупил и всю квартиру обрызгал, изгоняя нечистую силу всерьёз и надолго!

Как я тогда в молодости попался в её сети? Чем думал, отдавая всего себя в её цепкие лапки? Ну, понятно чем, но это в самом начале, когда мозги ещё не участвовали в процессе принятия решений, но потом...

Пришло отрезвление, спала пелена с глаз, в ушах вместо сладких уси-пуси-котя зазвучало деньги-машина-квартира-неудачник. Но дети... Как разрушить семью? Семья – это святое! Дети ни в чём не виноваты! Поэтому давай, папка, трудись, ищи подработки, крутись, как белка в колесе, обеспечивая всё возрастающие потребности семьи, весело помахивающей ножками, сидя у тебя не шее!

И что дальше? Сколько мне болтаться между жизнью и смертью? Точнее, после смерти в этом мире? Девять дней? Сорок? Чтобы что? Зачем? Проститься с этим миром? Забрать с собой воспоминания?

Прошёл... пролетел по квартире, впитывая взглядом мелочи, которые раньше и не замечал вовсе. Примелькалось, стало привычным, стёрлось из восприятия. Открытый фотоальбом с детскими фотографиями – ездили в Ялту. Все такие счастливые, довольные жизнью, молодые! Перелистнуть бы страницу дальше, да нечем.

Смешные картинки, нарисованные детской рукой – Федька и Дашка в садике рисовали нам поздравления с праздниками. Уже и забыл про них, а вот полгода назад наткнулся, разби-

рая старые вещи, вспомнилось, взгрустнулось, пробило на ностальгию. Поставил на полку, как напоминание, что было лучшее время. И забыл.

Книги на полках. Разные, расставленные не по цвету или размеру, а как получилось, потому что постоянно перечитываю, делаю закладки, что-то выписываю. В них море знаний, которые нам обычно не пригождаются, но прикосновение к ним показывает всё величие человеческого разума и маразма, доброты и жестокости, беспримерного подвига и предательства.

Ноутбук, хранящий многие тайны, надёжно защищённый от любого злого умысла, кроме топора и костра – мой золотой фонд, хранилище прошлых и будущих проектов, мыслей, размышлений, дневниковых записей. Стереть бы всё, чтобы исключить самую малую вероятность раскрытия информации, но зачем думать об этом? Меня это сейчас не должно волновать! Всё, что мог, сделал, остальное сами.

Интересно, как выглядит привидение с точки зрения людей? В зеркале не отражаюсь, хотя, если верить легендам, люди нас видят и сильно пугаются. А чего нас бояться? Что мы, бесплотные, не способные прикоснуться ни к чему материальному, можем вам, людям, сделать?

Ну, вот, ради хохмы хватаю книгу и пытаюсь сбросить её с полки – полтергейст называется! Ага, обрадовался, напугал ежа... Призрачная рука легко проходит сквозь книгу, не ощутив ни малейшего препятствия.

Но я ведь вижу эту самую руку и себя самого могу осмотреть, пусть зрелище и не приносит никакого удовольствия. Ожидал увидеть самого себя в костюме, как на званом приёме, а выгляжу каким-то туманным облачком с руками, больше похожими не струйки голубоватого газа. Грустное зрелище, как говорил ослик Иа, душераздирающее зрелище, но, Лёха, это теперь и есть ты в своём последнем воплощении.

Поностальгировал, повспоминал, пролил бы сейчас скупую мужскую слезу, если бы смог, но зачем? Говорят, что там, в Чистилище память у души очищается. С какой целью? Кто его знает? Быть может, душа не одноразовое изделие и не уничтожается, а пускается в оборот, вселяясь в следующего новорождённого.

И цель её – как раз в сборе тех самых воспоминаний, эмоций, переживаний, которые потом перельют в общую копилку или пустят на обезличенную энергию, если ничего полезного за жизнь душа не накопила. Всю эту философию мне предстоит узнать совсем скоро и на собственной шкуре.

Жутковато, пугает неопределённостью, как у приговорённого перед казнью, верящего в невозможное – вдруг помилуют, и жизнь продолжится? Может, всё это сон, служащий предостережением или наказанием за грехи? Думал, бог не видит, как ты всякого рода подонкам помогаешь обогащаться и от карающей руки закона уворачиваться?

Оправдываешь себя, отмazyваешь от правосудия. Ты ведь только с бумажками работал, с информацией, аналитику делал, сообщал выводы, указывал на виновных! А что потом с теми виновными было? Ты не спрашивал. Потому что с криминалом не связываешься. Если не знаешь, значит, непричастен. А ТАМ это примут, как доказательство твоей невиновности?

Хорошо быть верующим – всё у них по полочкам разложено, всё понятно, всё предсказуемо. С радостью устремляются в руки ангелов, несущих к вышним чертогам. Вверяют свою дальнейшую судьбу в руки Всевышнего, заранее принимая любое его решение, как истину в последней инстанции. А что делать нам, безбожникам, ни в Бога, ни в чёрта не верующим? Не знаю, не было ни времени, ни желания задуматься об этом. А теперь поздно.

О. Свет в окошке. Утро. И что? А то! Жена собиралась сегодня явиться с утра пораньше, вспомнив, что где-то на антресолях моей квартиры валяется раритетный чемодан, в котором хранятся стеклянные, ещё советской поры, ёлочные игрушки.

Новый год на носу, пора украшать ёлку в её квартире, а мне, как она считает, это абсолютно не нужно. Вполне логичное рассуждение. С одной стороны она – красивая и умная жен-

щина с большими перспективами, с другой я – пустое место, обуза, мешающий ей чувствовать себя свободной и богатой женщиной.

Обязательно припрётся. И ключ у неё есть. И стесняться она не умеет – мол, чужая квартира, человек может ещё спит, неудобно тревожить. Что значит чужая квартира? Я, вообще, тут временный жилец, у неё на эту квартиру большие планы, потому что её квартира требует расширения, а я могу из своей трёшки совершенно спокойно переехать в коммуналку или, что гораздо лучше, сразу на кладбище, у меня потребностей ноль, а вот у неё... Так что недолго мне валяться на кроватидохлым в полном одиночестве.

Накаркал. Провернулся ключ, сухо щёлкнул замок, открылась дверь. Ни здрасьте, ни доброе утро, ни сапоги снять, сразу потащила стул с кухни к антресоли – точно знает, где лежит нужное. К чему тратить время на бесполезное существо, занимающее по чистому недоразумению её квартиру?

Ух, как сейчас вылечу привидением, ух, как напугаю, чтобы она со стула навернулась! У-у-у-у-у... не видит, не слышит, не пугается – сосредоточенно копается в чемодане, перебирая стекляшки.

– Алексей! Ты спишь, что ли? Алексей!

Вот как так-то? Раннее утро. Человек в своей квартире. Спит, скорее всего. Сны видит. А его, как кутёнка за шкурку и на свет, потому что ей надо задать вопрос. И пофигу, что мне это не нужно, моё мнение тут не имеет никакого значения. Она время потратила, приехала, у неё есть вопрос и ты сдохни, но ответь! Ха-ха-ха – первая часть успешно выполнена, а вот со второй проблемы!

Придётся тебе, жёнушка, пройти в комнату и лично пробудить бывшего мужа от вечного сна! А что? Она может! Когда ей что-то нужно, мёртвого до печёнок достанет, сам чёрт у неё на посылках бегать будет, а Бога точно за бороду оттаскает, если не по её хотению выйдет! Ха, а ведь это шанс! Срочно группируюсь вблизи тела, жду начала спектакля – воскрешение святого Алексия!

– И не надо делать вид, что не слышишь, – заявляет жена, решительно включая свет в спальне. – Я не поняла, Алексей, а где половина игрушек? Были ещё шары и фонарики! Кукуруза и космонавт! Снегурочка! Ты их кому-то отдал? Алексей, я с тобой разговариваю!

Приложи сейчас к ней спичку, загорится без вопросов – пыхтит от злости, как чайник на плите, лицо красное, руки в боки, слюной брызжет, ещё немного и на визг перейдёт, разбудив соседей! Разъярённая фурия, берсеркер под дозой мухомора, свинья на случке... ой, последнее лишнее, но точно к месту! Ну, а мне что с того?

Нет тех игрушек, потому что они украшают новогоднюю ёлку в квартире Насти. Валюшка им так радовалась, перебирала, хотела оставить себе, но убрали от греха подальше – стекло тонкое, разобьёт, поранится. А на ёлке самое то – прямо привет из детства! Вспомнил, как с родителями радовались, доставая их из чемодана, развешивая гирлянды, дождик, раскладывая вату под ёлочкой. Вот какое отношение ты, дрянь такая, имеешь к этим игрушкам? Но как задать ей сейчас этот вопрос?

Плевать, что я мёртвый и холодный, а нагло молчу, потому что никогда её не любил, не понимал и был совершенно равнодушен к её, полной проблем, жизни. Поэтому поделом мне – одеяло долой, потными ручонками за плечо и развернуть к себе, чтобы в глаза всё высказать ненавистному быдлу. Что не так? Не реагирую? Холодный? Глаза не открываю? И что это значит? Ха-ха-ха, ждём истерики! Ой, а вот это уже странно!

Ожидал крика ужаса, покойника ведь трогала, искажённой гримасами страха мордашки, к пушей моей радости случайного и обильного намокания трусов, но ЭТО как-то выламывается из сценария! Она ведь радуется, она счастлива, будто только что выиграла миллион в лотерею! Стерва!

Ага, опомнилась, осознала, сейчас кинется звонить в полицию, в Скорую, детям... Эй, ты куда? Телефон у тебя в сумочке, а не... Чёрт, как же я не подумал сразу? Пока никто не в курсе моей смерти, самое время проверить квартиру на наличие всего ценного и изъять до прихода прочих наследников, точнее, нахлебников.

Деньги, карты, документы, телефон, записные книжки, в которых вполне могут быть записаны пин-коды от карт. Я ведь мешать не буду, а прочие пока не в курсе, так что самое время снять сливки перед объявлением о моей кончине!

Эх, не так я представлял свою смерть. Ну, как-то я о ней особо и не думал, но порой мысль мелькала, а как оно будет, если... Представлял, пуская скупую слезу под пиво, как почувствую предвестники смерти, окину умудрённым взглядом прожитую жизнь, сяду в кресло за столом в кабинете, чтобы написать завещание.

Всё чин по чину, всем сёстрам по серьгам, всем свиньям по рылу и так далее. Помогу детям, скину сразу деньги на их счета, чтобы не ждали срока вступления в наследство – какие-никакие, а кровиночки, им жить, а мне...

Отпишу дарственную на квартиру, машину и дачу – детям, всё детям, чтобы ни копейки в жадные загребушие ручонки бывшей жёнушки не попало! Накоса выкуси! И так радостно на душе становилось, что тотчас пивасик полировал водочкой, а потом, наутро, с больной головой думал, откуда такие глупые мысли в голову приходят?

Нет уж, сам всё заработал, своим трудом, своим горбом, ишачил на трёх работах, не разгибаясь, вот пусть и они все сами о своём будущем думают, а деньги... всё детям, но чужим, в детдома перечислю, как Юрий Деточкин!

Потом с появлением Настеньки в моей жизни появились варианты, но сами мысли о смерти ушли на задний план. Не срослось. Ни так, ни эдак. Хочешь рассмешить Бога, поделись с ним своими планами на жизнь!

– Гад, сволочь, мразь, ни себе ни людям, – пыхтит Людмила, копаясь в столе и шкафах. – Мог ведь заранее озаботиться, отдать любимой жене всё самое ценное, чтобы я сейчас не дышала пылью и не ломала ногти, нычки твои вскрывая!

Нычки? Откуда? Откуда она о них знает? Я же столько сил потратил, чтобы устроить надёжные тайники. На всякий случай. Вор, милиция, жена... Перекопал весь интернет, сделал всё по уму, сто раз проверил, что никак не выделяются тайники на фоне обоев, шкафа или стола. Сам порой забывал, куда деньги и ценные бумаги спрятал, по часу и более тратил, вспоминая, а она...

Бли-и-и-н, у неё встроенный миноискатель с рентгеном, что ли, в мозгах? Ни одного лишнего движения, строго по плану, тайник за тайником, подходит, нажимает, вводит код, выгребаёт содержимое! Код! Откуда она коды знает? Ну, глаз острый, как-то видит место нахождения тайника – царапина, грязь на обоях, щель там, где её не должно быть, но код! Он ведь нигде не записан!

– Так и знала, что этот придурок рассуёт все сбережения по нычкам, как белка! Не зря, ой, не зря на камеры потратилась, хотя... пришлось ублажить Ваську-компьютерщика, чтобы он в благодарность по квартире камеры распахал, когда этот ушлёпок в очередную командировку смотался! С другой стороны, Васька хорош в постели, хи-хи... от меня не ubyло, а сейчас так столько всего прибыло! Ух! Как знала! Кто молодец? Людочка – молодец! Говорила мне мама, муж у тебя дурак, но работающий, держи его в строгости, а его деньги под присмотром! Спасибо, мамочка, за добрый совет!

Камеры? Так она меня постоянно пасла и всё видела? Вот же стерва! И как я тут с другими бабами кувыркался? Дрянь ненормальная! Убил бы, но что я могу? Я ведь дух бесплотный, меня вон даже к собственному телу не пускают, а тут – живой человек! Хотя... к мёртвому не пускает, а к живому?

Как два пальца об асфальт... в смысле, вошёл и вышел, снова вошёл и ничего не почувствовал, будто пустое место, а не человек из плоти и крови. Что не так делаю? Вспоминай, дурень, потом поздно будет! Так, входим в тело... да, не дёргайся ты, дурында, мне ведь в тебе расположиться нужно строго по профилю, рука в руку, нога в ногу, член... тьфу, опять не тем местом думаю!

Не тело для души главное, а голова! Ищи местечко, цепляйся к нему, выталкивай лишнего, занимай его место и живи себе дальше, в ус не дуя! Ну, баба и что с того? Был мужиком, поживу женщиной – новый опыт, новые отношения, новые ощущения! Ну, где тут что лежит? Где у неё кнопка, Ури?

Ни черта! Ни поклёвки, ни схватывания – но что-то же должно произойти, я читал, они писали, нужен способ активации контакта! Боже, к тебе взываю я, есть ты или нет... чёрт, не самое удачное время спорить о существовании Бога! И чёрта поминать тоже не к месту – на кону твоя жизнь, думай, иди от противного, рассуждай широко, смело, дерзко! Соберись, тряпка, не время распускать нюни!

О. Точно. Нужно собраться. В прямом смысле этого слова – всего себя в точку, всю энергию в кулак, стать сильнее в одном месте, не размазываясь по всему пространству тонким слоем. И как жახнуть её по башке тупой, чтобы красненьким окропило обои! Эх, не могу! Тогда, делай, что можешь – сжимаемся, выдыхаем... хотя, что тут выдыхать?

Короче, делаем, как при жизни, а там разберёмся! Плотнее, ещё плотнее, поднимаем себя в воздух, наплываем на Людкин мозг... Боже, это мозг? Выгребная яма выглядит привлекательнее и пахнет приятнее! А говорят, призраки не чувствуют запахов! Врут гады! Но, сейчас альтернативы нет, ныряем с головой и будь, что будет!

Такое ощущение, будто толпа небритых ёжиков кинулась обниматься – со всех сторон колет, скребёт, на части рвёт. Держись, Лёха, нам главное – ночь простоять, да день продержаться, чтобы... Чтобы что? Зачем так долго?

Я точно не партизан на допросе в гестапо, мне уже хочется все тайны выложить на блюдечке, лишь бы прекратилась эта пытка! У-у-у-у, нет, ф-у-у-х, прочь, долой, должен быть другой способ обмена души! Простой и человечный, а не эта пытка ёжиками с метровыми иголками!

– Боже, как болит голова! Вроде и не пила вчера, а башка трещит, как с похмелья! Неужто этот ирод какого-то порошка в постельное бельё насыпал именно на такой случай? Чтобы я потом с ума сошла, его перебирая в поисках денежек! Вот же гад какой! А с виду ведь и не скажешь, все уверены – приличный человек, а он сволочь! Нужно срочно что-то выпить! Водки или таблетку? Лучше водки, оно как-то к случаю – увидела покойника, испугалась, хлопнула водочки. А таблетка в картинку не вписывается. Однозначно не вписывается. Не похоже, что я расстроилась от такого кошмара. Водка. Однозначно водка!

М-да, что тут скажешь? Очень прошаренная стерва, продуманная, осторожная, каждый свой шаг просчитывает, когда дело касается её денег и имущества. А ведь она искренне считает всё это своим! Муж ведь её? Был, но был ведь её, значит... и всё, что у него есть, принадлежит ей и только ей!

Хотя... водка! От водки она быстро поплывёт, к бабке не ходи, от водки её всегда развозит в самый неподходящий момент! Способность сознания к сопротивлению снижается, и, значит, у меня появляется шанс!

Давай, милая, тяпни грамм сто-двести, а лучше сразу бутылку из горла – радость-то... в смысле, горе-то какое, муж умер... бывший! Как говорится, нет повода не выпить! Пей, милая, я в тебя верю! До дна, до капельки, пей не жалея, тут всё твоё!

Та-а-а-к, самое время совершить налёт, пока стража сознания спит! Концентрируемся, подлетаем, осторожненько, действуем, как с девственницей, входим мало-помалу в святая святых... помойную яму... устраиваемся поудобнее... контакт... есть контакт... сознание расплы-

вается в новом месте... приятное тепло охватывает тело... моё тело... глаза закрываются... мои глаза... мои новые глаза... мысли путаются... теряются... чёрт, что-то идёт не так, как задумывалось... упс – я снова на Дерибасовской! Вылетел из Людкиного сознания, как пробка из шампанского – весь пьяный, в растерзанных чувствах, без малейшего понимания, что теперь делать!

Может, по соседям пройтись? Кто-то ведь сейчас спит, а сон, как говорят ушлые люди, маленькая смерть, открытые ворота для чужого воздействия! Отодвину в сторону спящее сознание, займу чужое тело, чтобы на время стать живым и мобильным. Я ведь не для себя, попользуюсь денёк и верну обратно законному владельцу!

Как быть с документами? Нотариус и покупатель меня не узнают? Где взять деньги, если эта мымра всё выгребла? Курьер тоже мне ничего не отдаст, у него наверняка есть моя фотография. В банке сделают круглые глаза, попроси я снять деньги с чужого депозита. Ну и чёрт с ними, с деньгами, за возможность прожить ещё один день, готов душу дьяволу продать! Или не готов?

Блин, Лёха, не о том думаешь! Единственное оправдание – внезапная смерть, спутавшая все планы, на мозги давит, мешает соображать правильно. Если подумать, Людку мне абсолютно не жалко, а это ведь чужие люди! И бабка надвое сказала, что будет, займи я их тело. Может, я убиваю их сознание и никогда более они не станут прежними? Выходит, если быть честным, это ничуть не лучше разбоя и грабежа!

Ну, получится у меня выжить таким способом, а совесть? Как её потом уговорить, что другого пути не было? Бандит ведь точно также говорит, мол, кушать хотел, ни о чём другом думать не мог, сам себя не осознавал, бац и скамья подсудимых, а жертва уже в морге остывает! Бр-р-р, нет, я так не могу! Помер, так помер, понеслась душа в рай! Но не несётся же, болтается, как нечто в прорубе на потеху честному люду!

Думай, Лёха, думай, твоя судьба в твоих руках! Взывай к ангелам и архангелам об отсрочке! Они такие, они могут чудеса творить! Христос помер, а потом воскрес на третий день после смерти, так что в теории и со мной такое чудо произойти может, потому что мне это очень-очень нужно! Боже, яви чудо своё рабу грешному Алексею! Не себя ради прошу, а в помощь тем, кого люблю!

Чёрт с ними, с потерянными деньгами, нужно хотя бы договор купли-продажи подписать у нотариуса и деньги передать. Как раз сумма с последнего заказа туда и пойдёт, а там... форс-мажор, исполнитель безвременно скончался! Неужто к ментам побежит? Ни в жизнь, потому что знает кошка, чьё мясо съела! А совесть в таких случаях у меня сговорчивая, мог ведь сдать с потрохами, а так просто помер.

Эй, там, наверху, есть желающие заключить сделку? Продам душу! Недорого! За возможность внезапного воскрешения и одного дня на свободе! Ну, почему дьявол покупает человеческие души, исполняя желания человеческие, а Богу они достаются совершенно бесплатно? Богохульство? Ага, ещё какое, но делать-то что-то нужно!

– Так, вроде бы всё собрала? Нет, записи нужно пересмотреть, вдруг он ещё что-то новенькое учудил, а я пропустила? Ни за что себе не прошу, если кому-то мои денежки достанутся! Можно ведь на ускоренной смотреть, а где нужно помедленнее присмотреться! Это я уже видел... это смотрела... опять у него баба – пропустить... нет, посмотрим, прикольно, такого я ещё не видела... а он придумщик... ладно, время дорого, потом после поминок переосмотрю... здесь пусто... ага, а вот это я точно пропустила! Чтёб ты ещё раз сдох, гад такой! Весь маникюр коту под хвост с твоими нычками! Ну, кто в стул деньжищи прячет? Я ведь эти стулья давно выбросить хотела!

М-да, последний рубеж обороны рухнул без боя. Обивка безжалостно сорвана, пакет извлечён, вскрыт и осмотрен! Всё, пуст ты, Лёха, как барабан! Гол, как сокол! Нищ, как последний пропойца! А почему? Потому что нездоровая паранойя в тебе завелась, недоверие к нашей

самой лучшей в мире банковской системе, готовой сожрать твои денежки, добытые, в том числе, и не совсем законным путём!

Слишком много вопросов у банкиров возникает, откуда у простого предпринимателя такие доходы при полном отсутствии в отчётности каких бы то ни было серьёзных оборотов? И как им объяснить, что консультации могут очень много стоить, особенно, когда они требуются авторитетным людям, старающимся не раскрывать подробности своих финансов?

Поэтому благодарность таких людей сразу в золото и ценные бумаги, которые совершенно точно не дешевет усилиями наших доморощенных финансовых гениев, активно загоняющих страну в кризис. Вот и дарственная на мою квартиру, оформленная честь по чести у нотариуса, своего нотариуса, осталось только ФИО и паспортные данные нового владельца вписать. И дураку понятно, чья фамилия там появится через пять минут!

Так что, Лёха, теперь ты ещё и бомж! Можно с тобой и не церемониться особо! Как там напишут в протоколе? В квартире такой-то по адресу такому-то обнаружен труп гражданина без определённого места жительства! Эх, вот так жил, впахивал, как трактор по бездорожью, а пришла пора помирать, остался и без мотора, и без трактора!

– Алло, алло... это полиция? Ага... тут такое дело... простите, мне сложно говорить... я труп обнаружила... Как где? В своей квартире! Представляете? Бывший муж вломился в квартиру, когда меня не было, напился, улёгся в мою постель и помер! Сейчас приедете? Адрес? Чей адрес? Мой адрес? Автомобилистов... ой, простите, оговорилась, проспект Коммунистов, дом семнадцать, квартира... ой, что-то меня колбасит... такое горе, мне так страшно... ага, сто двадцать седьмая! Жду! Ой, а в Скорую вы сами позвоните? Ага... ага... хорошо!

Ей бы в театре играть, имела бы успех – натурально так плакала, словно убитая горем! Дрянь! Гадина! Забрался в её квартиру! И ведь не подкопаешься, вон как старательно свои данные в дарственную вносит!

А дарственная выписана задним числом, будто она той квартирой уже года три владеет! Сделал неожиданный подарочек жёнушке! Ну, надеюсь, хоть похороны пройдут по первому разряду? Денег у неё теперь много, хоть долю малую может отдать, как дань памяти бывшему, пусть и не любимому мужу? Нет?

– Ой, как вы быстро приехали! Да... вот сюда проходите... простите, я тут немного выпила с горя... Сами видите, что-то искал, всё перевернул алкаш проклятый, а потом свалился, будто так и нужно, в мою кровать! Похороны? По первому разряду? А сколько это будет стоить? А дешевле? Есть что-то ещё дешевле? Кремация, как неопознанного трупа? За всё платит мэрия? Мне подходит! Какой паспорт? Нет никакого паспорта! Откуда у бомжа документы? Он мне никто! Не собираюсь тратиться на похороны какого-то алкаша! В печку его и все дела!

Толпа народу в квартире... в моей бывшей квартире... обувь никто не снимает... натопчут, а я терпеть не могу грязи... следовательно... фельдшер... санитары с носилками... этот хмырь из похоронного агентства, которому Людка втихую сунула пятитысячную купюру за выгодную подсказку... нет, я, конечно, думал о смерти, но чтобы вот так... Чтoб я сдох! Хотя с этим уже всё в порядке! Остались формальности.

Как ни хотелось задержаться в квартире и досмотреть весь спектакль до конца, душу неудержимо тянуло к телу, которое тащили по лестнице дюжие санитары. Швырнули в фургон, как мешок картошки, рыкнул двигатель и покати́л мой неожиданный катафалк по утренним непроснувшимся улицам Москвы к своему светлому будущему. Реально светлому, если взглянуть в разогретую топку крематория, в которой бушуют языки пламени!

Всё. Кранты надеждам на отсрочку. Нет тела, нет дела, нечего позволять бесполезному теперь муженьку лишний срок небо коптить. Хорошая шутка, только не смешно ни разу. Как раз сейчас и начну коптить то самое небо, вылетая чёрным дымом в трубу. Обидно.

Обидно и страшно, что так и не успел отдать последний долг своим девчонкам. Сейчас поздно переживать о том, что могло бы быть. Прими свою смерть, Лёха, как данность. Оставь прожитое за спиной и смело смотри в будущее, каким бы оно ни было. Пока мыслим, мы существуем. Глупость, конечно, но немного успокаивает.

Жаль, нет услуги сопровождения души к месту последнего пребывания. От психотерапевта я бы не отказался. Или от батюшки, гнусаво поющего молитву над гробом. Вот только нет ни психотерапевта, ни батюшки, ни гроба. Не стоят вокруг могилы плачущие родственники и безутешные клиенты. Не падают на грудь алые гвоздички. Только огонь – очищающий, всепрощающий, неотвратимый.

Мне не больно... мне не будет больно... я умер... совсем умер... труп не испытывает боли... мне не страшен огонь... я его не боюсь... Ой, страшно-то как смотреть на собственное голое тело, уложенное на железную каталку! Дюжий работник, не испытывая в отношении меня никакого пиетета, равнодушно дёрнул рычаг, распахивая створки печи, и толкнул тележку, отправляя тело в ревущее пламя!

Нет... не пойду... не хочу видеть, как огонь впивается в кожу, сжигает плоть, как, курчавясь от жара, сгорают волосы, лопаются глаза... не хочу ничего этого видеть и... не могу не видеть, потому что некая сила притягивает меня всё ближе к телу, словно пытаюсь сжечь заодно и мою бессмертную душу! Я ведь душа, почему мне так больно?

Не-е-е-е-т... не хочу-у-у-у-у... я достоин жить... Боже, дай мне шанс прожить эту жизнь заново... Молиться, нужно молиться, но я не помню ни одной молитвы... Как там? Иже еси на небеси? Съели банку иваси! Пипец! Жизнь прожил, а в голове винегрет из всякой ерунды, не имеющей отношения к Вечности! Боже-е-е-е, хочу-у-у-у жи-и-и-и-ть!

Темнота... мёртвое ничто... ничего не чувствую... нет мыслей... нет желаний... хорошо, что исчезла всепоглощающая боль. Наверное, я сейчас в том самом ином мире, куда попадают души после смерти... пусть будет так, если иного не дано... ничего не хочу... спать... только спать... слабость во всём теле... теперь можно спать... теперь уже не помру... дальше некуда... конечная станция... телу только не очень удобно... но это сейчас не главное...

Не захотели ангелы с архангелами чудо явить? Печально, но придётся с этим смириться, потому что других вариантов высшим судом не предоставлено! Спи спокойно, Лёха, у тебя впереди Вечность!

Только одна мысль свербит, мешая погружению в нирвану. словно камушек в ботинке, будто комар над ухом, зудит и зудит непонятно зачем и почему. Где-то на краю сознания, точнее, его остатков, растворяющихся в чёрном омуте беспамятства, мельтешит назойливо, словно кондуктор в переполненном автобусе, пытающийся докричаться до пассажира, вошедшего в заднюю дверь. Что не так, чёрт бы тебя побрал?

И снова здравствуйте

Телу? Какому телу? Его же только что на моих глазах сожгли! Но я чувствую именно тело, могу пошевелиться, дёрнуть руками, толкнуться ногами... не могу вдохнуть, но и не испытываю от этого никакого дискомфорта, словно так и надо... не могу закричать, да и не хочу особо... ничего не вижу – темно, тепло, уютно, хотя... поза какая-то вынужденная... скрючился, как в утробе... Зато ничего не напоминает о застарелых болячках!

Толкнулся ногами, стеночки мягко отпружинили. Упёрся руками, ошупал пространство вокруг себя – что-то там есть за этими стеночками, но тоже мягкое. И гулко так молотит какой-то метроном – тук-тук, тук-тук, тук-тук, не раздражая, а принося какое-то спокойствие и умиротворение. Так бы вскочил и пробежал стометровку, тело прямо звенит от живой энергии. Так вот ты какое – царствие Божье?

Как там говорят о стариках? Если проснулся и у тебя ничего не болит, значит, умер! В точку! Чувствую себя, как в детстве, когда знать не знал ни о каких проблемах, любые ранки заклеивал пластырем, плюнув на него перед этим, чтобы заразы не подцепить. Возраст вместе с опытом и мудростью принёс боль в суставах и прочие неприятные последствия долгой жизни. Радуйся, Лёха, теперь ты абсолютно здоров!

Может, так оно и положено тут, на том свете? Отдельная, пусть и тесная ячейка для каждой души на время принятия решения, куда её грешную отправить – в Рай или в Ад, а, может, на переработку в костную муку. Ха-ха, шути, шути, нет у души костей. Тогда зачем эти ощущения тела, будто я снова живой? Я ведь помню чувства той самой души после собственной смерти – бесплотная, неспособная ни к чему прикоснуться, ни от чего оттолкнуться.

А сейчас, как спортсмен, готов скакать и бегать, биться на ринге или плыть кролем в бассейне. Я чувствую себя именно человеком, а не душой. Но кто я, если не душа? Умер. Тело сожгли. Замены не предоставили. Скорее всего, на том самом свете, куда души собирают после смерти тела. Или у них тут свои физические законы? Где физика, там и химия, так и до секса дойти можно... тантрического. Лёха, побольше уважения к святыням! Не хватало ещё и здесь схватить неуд по поведению!

Проще будь и к тебе потянутся... ангелы с архангелами. В чужой монастырь, как говорится, со своим уставом не ходят. Стерпится, слюбится. Темно и сыро, зато уютненько – стеночки тёплые, мягонькие, так бы и нежился вечно. Хотя не время нежиться – вспоминать нужно список собственных грехов, чтобы чего лишнего не впаяли, как это принято в ментовке. Протокол прочитать, ничего на веру не принимать, лишних бумаг не подписывать!

Чёрт, какая ментовка? Это же ого-го какое место: высшая справедливость, ничего лишнего, и воздастся им по делам их! Думай, Лёха, готовься к худшему, возрадуйся, если ошибся! Значит так, родился, учился, армия, снова учился, женился... вот он самый первый и большой грех... детки народились... и сверху всё это густо намазано пахал-вкалывал-изворачивался-зарабатывал, как не в себя. Ещё помнится...

– Доктор, вы ведь говорили, это надёжное средство! – незнакомый женский голос с нотками близкой истерики врывается в мою медитацию ковшом холодной воды. – Вы говорили, он умрёт и будет выкидыш! А он толкается, как ни в чём не бывало! Вы меня обманули, доктор! Взяли деньги и обманули!

Это что сейчас было? Соседний отсек? У них тут совсем со звукоизоляцией плохо? Хуже, чем в современных панельках, когда каждый вздох соседей слышишь, как свой? Етить-коло-тит и как тут сосредоточиться на воспоминаниях, погрузиться в себя, вспомнить всё?

– Послушайте, голубушка, не надо так кричать, нас могут услышать! – мужчина говорит негромко, нервничая, явно опасаясь публичного скандала. – Средство надёжное, но иногда, я

подчёркиваю, иногда оно даёт сбой! Вы же сами слышали, у плода угасли сердечные тоны! Он умер! То есть таблетка подействовала, но потом...

Упс. Их там двое? Общага какая-то, а не тот свет! Эй, там, нельзя ли потише? Вы тут не одни, если разобраться! Ну, померли и померли, копыта откинули, ласты склеили, отдали Богу душу, так чего теперь лаяться? Раньше нужно было этим заниматься, тут уже словами делу не поможешь! Всё. Финита, блин, комедия. Без вещей на выход, господа!

– Что потом? Что потом, доктор? У меня не должно быть ребёнка! Вы понимаете, муж скоро вернётся из экспедиции и что я ему скажу? Здравствуй, Федя, тебя не было полтора года и вот тебе подарок? Он меня из дому выставит вместе с этим приплодом! Это позор, меня из партии выгонят, снимут с должности за аморальное поведение! Что хотите, доктор, то и делайте! Деньги вы взяли...

Муж? Какой муж, милая? Как он тебя увидит? Если только твой хладный труп на металлическом столе в морге, вскрытый пьяным патологоанатомом! И гарантированно грохнется в обморок с переходом в инфаркт! Кому ты собираешься что-то предъявлять? Да и кому теперь нужны твои откровения? Забудь и выкинь из головы, подумай о Боге, глупенькая! С того света выдачи нет! Баста, карапузики, кончились танцы!

– Какие деньги, голубушка? О чём вы? За что вы мне дали деньги? За аборт на таком сроке беременности? Хотите это кому-то рассказать? Чтобы вас ещё и в тюрьму посадили? Да, я могу пострадать от вашей откровенности, но я придумаю историю, что просто хотел вас успокоить и дал плацебо, пустышку, не имея ни малейшего желания как-то угрожать жизни ребёнка! А вы сами где-то нашли таблетку! И мне поверят, а вас отправят в тюрьму! Закон суров, но это закон!

Хм-м-м, а у них там всё по серьёзному, по-взрослому, проблема на проблеме и проблемой погоняет. Меня, может, скоро призовут к ответу, а я не готов, совершенно не готов, как двоечник перед экзаменом! Нужно кому-то сказать, чтобы этих беспокойных товарищей переместили в другой отсек для скандалящих! У меня от их криков мысли разбегаются, как тараканы на кухне при включении света.

– Вы гад... вы сволочь... я вас ненавижу... вы мне всю жизнь испоганили... Мне ещё жить и жить, а вы мне сейчас всю жизнь испоганили – не смогли убить мелкого уродца! Что я мужу скажу? Как я людям объясню, откуда у меня ребёнок?

Так. Вот сейчас я не понял. Кто кому жизнь испоганил? Каким людям ты собираешься что-то объяснять? О какой такой долгой жизни идёт речь? И кого они там собирались убить? Хочется расправить плечи, гордо вскинуть голову, топнуть ногой и гневно спросить, а о чём, собственно говоря, речь идёт, господа? Только не получается... ничего из вышеперечисленного не получается от слова совсем! Тесно, как в... утробе!

В утробе? Тепло и мягко... плаваю в жидкости... темно и звуки, как сквозь вату... покачивает иногда, как младенца в коляске, едущей по ухабам... Так я не помер? Я реально в утробе... материнской утробе... и скоро появлюсь на свет?

Мать моя женщина, так я... нет, не может быть... так не бывает... Мне дали шанс? Боже, спасибо! Я буду жить... ещё одна жизнь в подарок... пойду в церковь... закажу молебен за здоровье раба божьего... свечку поставлю... денег пожертвую... Жизнь! Новая жизнь! Вот только...

– Голубушка, я понимаю ваше состояние и последствия, поэтому бесплатно могу предложить ещё одну таблетку! Надеюсь, на этот раз всё пройдёт как по маслу – одной дозы оказалось недостаточно, но две быка свалят!

– А это не опасно? Я сама, как тот бык, не окочурюсь? Мне ведь только от ребёночка избавиться, а не помереть тут у вас в больнице вместе с ним!

В смысле избавиться? Эй, алло, не надо от меня избавляться, я жить хочу, мне в лотерею шанс выпал, отдайте выигрыш крупными купюрами и без жульничества! Не смей... отставить... пошли все вон...

– Что вы, голубушка? Проверенное средство, гарантированный результат, не вы первая, не вы последняя, всё получится в наилучшем виде – уже завтра будет выкидыш! Делаем? Ну, же, принимайте решение, вы тут не одна! Я не могу на вас всё своё время тратить, у меня и другие пациенты есть, нуждающиеся в моих знаниях и умениях! Решайтесь, голубушку, других вариантов у вас просто нет!

– Хорошо! Давайте свою таблетку! Вы гарантируете...? Поняла... Водички можно?

Какой ещё водички? А прокурора не хочешь, дрянь такая? Ты ведь сейчас своими руками собираешься убить человека! Ты понимаешь, что это уже не кусочек протоплазмы, а вполне сформировавшийся ребёнок?

Это человек, и ты хочешь прямо сейчас лишить его жизни только для того, чтобы скрыть последствия собственной похоти? Ну, нет, не дам, не позволю, идите прочь, гады! Это моя Брестская крепость и я буду её защищать всеми возможными способами! Получи, фашист, гранату!

– Ой, доктор, он толкается! Ой, мне больно! Доктор, скорее дайте воды, он там разбушевался не на шутку! Ой-ё-ёй, мамочки, как больно! Я таблетку выронила, доктор... найдите её... быстрее, доктор...

– Вот она, держите крепче! Ай, от вас током бьёт! Отцепитесь от меня!

Не нравится? На тебе ещё, гад такой! А вот так лучше? Убить он меня собрался!

– А-а-а-а, доктор, мне плохо, меня всю трясёт... не могу удержать стакан... отцепитесь от меня, доктор... мне страшно...

– Чёрт возьми, не могу я от вас отцепиться, вы как электрический провод под током... бр-р-р... а-а-а, снова разряд... прекратите немедленно... отцепись от меня, зараза!

Отпущу, если прекратишь желать мне смерти, убийца в белом халате! Ты ведь клятву давал, ты ведь собирался лечить и спасать, а сам? Вот тебе за предательство! К-хм, а что я такое делаю, кстати говоря? Чего их так колбасит? О каком токе они говорят?

Плевать. Некогда разбираться. Если что-то получилось, делай также! Попробуем вдарить изо всех сил по этим гадам, задумавшим недоброе! Ой. Ай. Мама, роди меня обратно! Что я наделал? Нет, я не хотел! Стойте! Не надо, я передумал! Не-е-е-е-т...

Меня сжало с чудовищной силой и потащило. Это что? Роды? Значит, есть возможность сбежать из смертельной ловушки! Йеху-у-у! Именно так! Пусть страшно и больно, но не отступать и не сдаваться! Только вперёд, ни шагу назад! Мне кажется, я кричу это, хотя рот заполнен жидкостью.

Это нормально, детка, ты слышишь собственные мысли. Двигайся или умри! Толкайся, крутись, изворачивайся, как в прошлой жизни, иначе сдохнешь тут, как улитка под асфальтовым катком! Немного терпения и новая жизнь встретит меня радостной улыбкой!

Боже, как же тут тесно! Стены, которые раньше обнимали и ласкали, теперь душат. Давление на голову такое, что, кажется, череп сейчас треснет. Это сжатие – адский пресс. Я скручен в комок, подбородок прижат к груди, плечи сложены, чтобы стать как можно меньше. Бедная моя голова! Это невозможно! Мне нужно больше пространства!

Проталкиваюсь, упираясь ногами в то, что осталось от моего убежища. Мышцы сводит судорогой. Не дышу – я и так не дышал лёгкими, но сейчас кислорода через пуповину поступает всё меньше, меня накрывает паника удушья. Помни, Лёха, главную истину – большинство младенцев рождается именно таким способом и вполне успешно! Нужно потерпеть... у-у-у, да сколько же можно?

И вдруг в этом аду перед глазами – вспышка. Яркая, оранжево-красная. Она пробегает где-то сбоку. Что это? Я вижу свет сквозь сжатые веки? Или это мой собственный мозг искрит

от напряжения? Мне кажется или я реально попал в тупик? Куда теперь? Вперёд? Назад? Эй, дайте услугу навигатора! Спокойно, Лёха, ты справишься, не в такие передрыги попадали!

– Хм-м, а если вот так?

Чувствую себя спелеологом, застрявшим в изогнутом отнорке глубокой и тёмной пещеры. Выгибаюсь, поворачиваю голову, ищу выход. Давление становится нечеловеческим, меня скручивает, как мокрую тряпку. Кости таза смыкаются на мне, проталкивая дальше.

Ещё одна вспышка, длиннее, ярче. Кажется, там, впереди, не просто вспышки, а что-то большое и светлое. Оно мерцает и манит. Давай, пацан, двигайся, иначе сдохнешь! Упираюсь из последних сил. В ушах оглушительный стук крови – моей и её. Её сердце колотится где-то надо мной, моё – внутри меня, они бьются в унисон, как барабаны перед казнью.

Нет... ничего не получится... я точно сдохну... Фиолетовое пламя охватывает меня целиком, прорываясь сквозь плотно сжатые веки... Сгорю, точно сгорю... Лёха, делай ноги из этой костоломки... Последнее, титаническое сжатие. Меня ломает, складывает пополам. Голова проходит сквозь огненное кольцо. Секунда невесомости, и...

– А-а-а-а! Мать вашу, как же это неприятно! Почему никто не предупредил, что это адски больно?

Холод. Ослепительная фиолетовая вспышка, бьющая по глазам сквозь плотно сжатые веки. Свет. Я вижу свет! Он везде, он режет глаза. Меня хватают огромные, скользкие руки. В лёгкие врывается огонь, и я ору, разрывая тишину своим первым, самым честным в мире криком.

– А-а-а-а! Нельзя ли повежливее? И не нужно меня бить по заднице, я ведь ещё ничем не провинился перед этим миром, а в том, прежнем, все мои грехи погашены в связи со смертью!

Я родился? Чтоб вы все сдохли! Можете засунуть свои таблетки сами знаете куда! Свобода нас встретит радостно у входа, и бармен пива нам нальёт! Эй, кто-нибудь, нет пива, дайте хотя бы молока – жрать хочется, аж сил нет! Полцарства за титьку полную молока! Меня кто-то слышит или я сам с собой разговариваю?

– Боже, не верю своим глазам, голубушка – вы неожиданно быстро родили совершенно здорового мальчика! Первый раз и так легко! Сейчас позову акушерку, перевяжем пуповину, обмоем малыша и приложим к груди! Экий горластый карапуз!

Вот. Наш человек. Всё по делу и, главное, помнит про титьку! Теперь понятно, почему мужики при виде женской груди инстинктивно сглатывают – не забудешь такой момент никогда, на подкорке запишется: первый свет, первый вдох, первая жрачка, первый секс! Хотя секс будет ещё не скоро, начинаю жизнь с нуля.

– Вы куда, доктор? Какую акушерку? У меня не было и нет никакого ребёнка? Не смогли избавиться от него ТАМ, избавьтесь здесь!

– Голубушка, вы в своём уме? Убить младенца? Это ведь преступление! Это ваш ребёнок, вы дали ему жизнь! Посмотрите на него! Он живой! Улыбается, кричит, шевелится – это человек, маленький человек! Хотите его потрогать?

– Нет! Уберите его от меня! Мне. Не нужен. Ребёнок. Вы услышали меня, доктор? Делайте что хотите, но рядом со мной не должно быть этого ублюдка! В противном случае я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы вы оказались за решёткой! Сколько аборт вы уже сделали? Десять? Двадцать? Сто? Молчите?

С ума сойти! Кого она назвала ублюдком? И это моя мать? Женщина, выносившая меня в собственном лоне, приказывает доктору убить новорождённое дитя! Я узнаю этот тон, для неё сейчас не существует ни законов, ни чувств – всё пошло не по её плану, поэтому весь мир должен подпрыгнуть и сделать всё необходимое для её персонального счастья.

Если при этом кто-то умрёт, лишится здоровья, денег, жилья, это не её проблемы, главное – чтобы всё соответствовало её плану! Именно поэтому в той жизни я и развёлся со своей бывшей, просто не захотел больше быть частью её мира!

– Х-х-хорошо. Как скажете. Заверну в одеяло и подкину на крыльцо нашей больницы. Кстати, если хотите, в-в-вы можете его у-у-усыновить потом... из добрых побуждений... и муж вас поймёт... это будет правильно... это будет по-божески...

Разговаривая, доктор ловко перерезал и завязал пуповину, обтёр меня какой-то случайно подвернувшейся тряпкой от слизи и завернул в наволочку от подушки с пустующей кровати. Отложив меня в сторону, быстро осмотрел женщину, странно хмыкнул и утёр пот со лба. Что-то его сильно удивило, знать бы ещё, что именно?

– Подкинуть – правильно, всё остальное – чушь, – резким прокурорским тоном заявляет моя мамаша. – Ничто не должно связывать его со мной! Понимаете? Ничто! Никаких записей! Никаких упоминаний! Никто, ничего не должен знать об этом событии! Ничего не произошло, доктор! У меня было воспаление лёгких... вы положили меня в отдельную палату и... я вылечилась. Всё. Точка. Мы поняли друг друга?

– Но вы его хотя бы покормите, он сейчас нуждается в материнском молоке, – сделал слабую попытку доктор, надеясь, скорее всего, на легенду, что мать, к груди которой приник её младенец, никогда с ним не расстанется.

– Нет. Уберите от меня ЭТО. Не желаю знать. Пусть его кормит кто-то другой. Не хватало ещё, чтобы у меня грудь распухла, как у дойной коровы! И, вообще, когда я могу покинуть вашу больницу? Не могу же я столько времени быть на больничном, у меня там всю базу разворуют! Середина лета, мне путёвку в Гагру предлагают, а я тут в этой дурацкой палате парюсь! Делайте, доктор, что хотите, но прямо сейчас!

М-да, не так я себе представлял подарок Бога! Хотя, кто тут говорит о Боге, если в палате явственно пахнет серой? Или, мне кажется? У младенцев, насколько я знаю, странное представление о запахах и вкусах. Да и видят они всё совсем не так, как взрослые люди. Но я-то вижу всё нормально!

– Тогда... самое время избавиться от ребёнка, – неожиданно решается доктор. – Как раз начали обработку больницы серными шашками против крыс и мышей! От серного дыма онидохнут сотнями, та ещё гадость, если честно! Если случайно «забыть» его в каком-то закутке, он вполне может...

У меня ёкнуло в душе, ну всё, пипец котёнку, не будет больше пелёнки пачкать! А сто грамм перед расстрелом? А последнее желание перед казнью? Не хочу сдохнуть, как крыса! Я только жить заново начал! Не имеете права! Эй, меня хоть кто-то слышит?

– Вы в своём уме, доктор? – чуть не выскочила из постели мамаша.

Ох ты ж, хоть кто-то на моей стороне! А я про неё всякие гадости думаю! Золотой ты мой человечик! Храни тебя Бог! Хоть у кого-то есть что-то человеческое? Будем жить, будем...

– Заткните ему пасть, он всю больницу на уши поставит своим криком! Поймите, доктор, если трупик найдут в больнице, начнутся вопросы, догадки, расследования! Его не должно быть здесь! Сделайте это где-то в другом месте, чёрт бы вас побрал! Да, хотя бы в колодец канализационный киньте – там его сроду не найдут! И главное – когда я могу поехать по путёвке на юг?

Чтоб ты сама в канализации сдохла, мамаша недоделанная, чтоб у тебя титки до земли отвисли, а на лбу рог вырос, чтоб ты всю жизнь под себя ходила, жиртрест бродячий! Ребёнка выносила, а никто беременности не заметил? Пусть тебе родная кровать стекловатой будет, чтоб у тебя...

– Ну, уж нет, голубушка, – возмутился доктор. – Как вы себе это представляете? Чтобы я своими руками скинул живого ребёнка в колодец? Нет! И не надо на меня так смотреть! Я тоже могу много чего рассказать... вашему мужу! Будем придерживаться первоначального плана – подбросим на крыльцо в одеялке! Лето на дворе, не замёрзнет! Люди у нас добрые, кто-то и подберёт, а там уже, как Бог решит! А по путёвке? Да хоть завтра, голубушка! Удивительное дело, но всё выглядит так, будто вы никого и не рожали – чудеса какие-то или... чертовщина!

На кого Бог пошлёт

Утро-то какое солнечное, ясное, ни облачка на небе! Воздух свежий, дневная жара ещё не вступила в свои права. Птички чирикают. Редкие машины проезжают мимо, чихая, как простуженный алкоголик, вонючими выхлопами.

Наглый рыжий котяра с погрызенным ухом прыгнул на перила крыльца и лениво посмотрел на меня с высоты своего положения. Странный матерчатый пакет, из которого торчит сморщенная красная мордашка, интереса у него не вызвал. Махнув на прощание хвостом, кот скрылся.

Воробей занял его место, деловито попрыгал туда-сюда, надеясь под старой краской найти червячка, и улетел разочаровавшись. Люди, если и проходили мимо, не обращали ни малейшего внимания на слабо пищавший свёрток, похожий на старое, выброшенное за ненадобностью тряпье.

Бог не спешил ничего решать. Будний день. Все на работе. Персонал выгнали из корпуса больницы под предлогом санобработки. Болящих растолкали по другим отделениям. Никто не спешит спасать мальчика, описавшего наволочку и одеялко. Мокро, холодно, голодно, хоть на паперть иди, колбаски проси! Родился я слабым и сырым, нет у меня никого, подайте, кто, сколько может на водку и ку-у-ре-во!

Вот как так-то? Взрослый мужик, прошедший огонь и воду в 90-е, не сдавшийся в 2000-х, знающий три иностранных языка и один русский матерный, лежит обоссанный по уши в совершеннейшем одиночестве на крыльце больницы и никому до него нет дела?

– Эй, я тут, поменяйте мне пелёнки, я жрать хочу, мне холодно и сыро! Вырасту, найду каждого, кто прямо сейчас прошёл мимо, не оглянувшись на живую душу, и придушу! Ух, какой я злой!

Нужно срочно придавать товару более привлекательный вид. Первым делом избавиться от тряпок, в которые меня замотал сердобольный доктор. Вид карапуза с розовой попкой гораздо привлекательнее для потенциального клиента, чем это старое вонючее тряпье. Вот только как это сделать, если доктор замотал на совесть, чтобы не трепыхнулся, не дёрнулся ребёночек, не свалился случайно с крыльца? Убивать таких заботливых нужно!

– Мама, мама, смотри, тут ребёночка выбросили? Ой, какой хорошенький! А можно я его себе возьму, а то у меня кукла сломалась?

Кукла? Разуй глаза, мелкая! Я не кукла, девочка! У твоей мамки уже есть ты и она вряд ли захочет усложнить себе жизнь, приняв в семью ещё одного ребёнка. Эх, мечты-мечты, в чём ваша сладость? Мечты ушли, осталась гадость! А так девчонка ничего, совсем не возражал бы иметь такую сестрёнку!

Не вариант, но, как средство привлечения внимания потенциальных покупателей... родителей должно сработать. Кричи громче, мелкая, пусть все услышат! Сердобольных, говорят, много на свете, лишь бы они при этом не были убогими и нищими! И, что очень важно, не цыганами! Очень хочется начать новую жизнь в приличных условиях, а не перебиваться с хлеба на квас! И квартиру в центре... и дачу у моря... и машину...

– Маша, какой ребёнок? Это просто кукла старая! В нашей стране детей на улицу не выбрасывают! Фу, она ещё и воняет ужасно! Понятно, почему её выбросили! Пойдём, в садик опоздаем!

Эх, не вовремя ты, ветерок, в сторону мамыши её дунул, донёс амбре до чувствительного носика, понизил статус товара с «покупка возможна» до «отправьте это на свалку»!

– Ну-у-у, мамочка, её же можно помыть, одеть в новые платица! Ботиночки от моей старой куклы подойдут! Я с ней буду играть, мы будем чай пить, гостей встречать! Ой, она моргает, мама! Смотри, она моргает!

– Вчера котёнок, позавчера щенок, на прошлой неделе галчонок, теперь старая кукла! Маша, когда ты станешь взрослее? Мы не можем тащить в дом всех, кто по твоему мнению нуждается в помощи, у нас не зоопарк и не служба потерянных вещей! Не трогай эту гадость руками, Маша! Я кому сказала?

– А-а-а-а, я не кукла-а-а-а, – заорал я, понимая, клиент уходит, сделка срывается, Маша уже готова сдаться и срочно нужны весомые аргументы в переговорах с будущими инвесторами... в смысле, родителями. – Возьмите меня с собой! Я лучше всех щенков и котят! И ем я очень мало, совсем-совсем мало, но вот прямо сейчас не отказался бы от ведра молока!

Из всего вышесказанного мои неожиданные зрители услышали лишь плач голодного подкидыша, но именно это, судя по неожиданно озабоченной позе женщины и напряжённому выражению её лица, резко изменило мнение Машиной мамы по поводу «выброшенной игрушки».

– Маша, это не кукла, – авторитетно заявила она, распахнув тряпки. – Как же ты, маленький, тут оказался? Что это за бяка-кукушка такая тебя подбросила в больницу? Да ты весь мокрый! Сейчас мы о тебе позаботимся, малыш!

Вот. Уже лучше. Звучит обнадеживающе. Вижу свет в конце тоннеля. Сейчас меня заберут домой, помогут, переоденут, накормят мясом с картошкой. Дадут водки выпить для снятия стресса, а там я вырасту и как заработаю кучу денег, как отблагодарю Машу и её мамку по самое не хочу, как... Эй, вы куда?

– Есть кто живой? – крикнула Машина мама в открытую дверь приёмного покоя. – Фу-у-у, как тут воняет серой! Что они там делают? Нет никого! Придётся вызывать милицию! Там разберутся с подкидышем, найдут кукушку, а пока малыш побудет в доме ребёнка – в Советском Союзе, Маша, нет чужих детей, для них всегда есть дом!

Ага. Три раза. Есть дом. Сперва дом ребёнка. Потом детский дом. Затем колония и век воли не видать. Плавали, знаем! Эх, а так хорошо начиналось! Уже планы на жизнь строить начал, поверил в счастливое будущее... Стоп, какой ещё Советский Союз? Куда меня занесло? Неужто...?

Чёрт, сразу показалась странной палата, в которой я появился на свет – будто собрали туда всю старую рухлядь, найденную на помойке. Старые тумбочки, выкрашенные синей краской, облезлые стулья, на которых сидеть страшно, железные кровати с панцирной сеткой и убогое, серое постельное бельё.

Да и палата выглядела не ахти, совсем не айс, как выражается моя Дашка, требующей ремонта от пола до потолка. Это что же получается, господа-товарищи, меня в прошлое занесло? И как далеко? Надеюсь, не до войны? Я не трус, но не хотелось бы с гранатой под танк! Сперва накормите, а потом уже на войну! Вот тебе и дача у моря!

– Mam, он кушать хочет, вон как губками хлюпает! Ему нужно молочка! Давай в магазине купим и накормим! Ой, а где мы возьмём соску?

Ребёнок демонстрирует потрясающее знание заботы о младенцах? Как так? Мамаша настроена на решение вопроса исключительно через поли... пардон, милицию, а её дочурка с ходу рубит в правильном направлении – сперва кормёжка, потом каталажка! Хотя, насколько я помню, молоко из магазина младенцам не показано!

Это совсем не то, что мы, то есть младенцы, кушаем! Нам нужно особое, сцеженное из титки, тьфу ты, короче, натуральное женское молоко, потому как в нём всякие там микроэлементы и прочие полезности именно для грудничков. А натуральное молоко, пусть и пастеризованное, нам категорически противопоказано, но... на безрыбье и кефир – грудное молоко.

– Маша, мы не можем решать проблему с этим малышом сами, нужно обратиться в милицию! Там есть специальные люди! Они всё знают! Они всё умеют! Сейчас позвоню из ближайшего автомата, и они решат вопрос! Тебе нужно в садик... мне на работу... я не могу опаздывать... у меня будут проблемы...

Боже, да у неё типичный ПМС, к бабке не ходи – вон как горит всё алым огнём! Стоп! Каким огнём? Где горит? Ты тут причём? Ну, я же вижу! В смысле? В коромысле! Может, я и слепой, но не тупой же! Вон же оно полыхает, аж глазам больно!

Ясно-понятно, ей сейчас любые мировые проблемы побоку, у неё нервы звенят, как струны на барабанах, шаг вправо, шаг влево – капец, как сложно! Нам, мужикам, это точно не понять, разве что сравнить с тяжким похмельем, но это не точно. Ей бы таблетку какую выпить, чтобы полегчало, а она мается! Хотя есть ли здесь в этом времени такие таблетки?

– Ну, что тут у нас? – Машина мамка распахивает одеяльце, прикасается ко мне и... не понимаю.

Сноп фиолетовых искр взлетает в её сторону, устремляется к лону и гасит пожар. Сразу. Без вопросов и прелюдий. Как? Что это было? Я чувствую поток тепла, возвращающегося обратно. Её глаза вспыхивают непониманием, потом она будто прислушивается к себе, ёжится словно от холода, пытаясь понять, что именно произошло. Затем распахивает одеялко, срывает провонявшую наволочку и прижимает меня к себе, будто самое дорогое на свете существо, не боясь испортить платье. Бинго! Я сделал это! Но что это было, чёрт бы меня побрал?

– Маша, сегодня мы не идём в садик, и работа отменяется – сперва спасаем жизнь этого младенца, потом всё остальное!

Господи, на всё воля твоя! Прямо какое-то божественное откровение. Только что она собиралась отвернуться от меня, переложив ответственность на компетентные органы, а тут прямо строго наоборот – спасаем и всё тут! Прямо челюскинцы на льдине и подвиг Чкалова! А я даже не знаю, как зовут мою спасительницу! Мама и всё тут!

Хотя вспомнилось собственное детство, когда меня поставил в тупик вопрос учительницы в первом классе, как зовут моих родителей? Ну, как зовут? Мама и папа! Как я ещё их должен называть? Конечно, спросил потом, но было жутко неудобно, что до семи лет так и не сподобился это узнать! А оно мне надо было?

Кому из современников рассказать, какой кайф от чистых и сухих пелёнок, не поверят, потому что давно забыли об этом возрасте. Молоко! Тёплое жирное молоко! Кайф! Боже, как мало нужно, чтобы чувствовать себя счастливым!

Сух, сыт, в тепле! Ни счёт в банке, ни нычка в тайнике, ни положение в обществе не сравнятся с этим ощущением абсолютного счастья, переполняющего меня от розовых пяток до лысой макушки!

– Маша, не нужно сидеть рядом с малышом всё время, ему нужно спать! – голос Машиной матери доносится как через вату.

На мгновение вздрагиваю, представив, что всё ещё нахожусь в чреве мамы, решившей от меня избавиться, но, вспомнив события на крыльце, успокаиваюсь и погружаюсь в сон. Простой сон младенца, единственной проблемой которого является еда. Ни деньги, ни авторитет, ни профессиональный опыт – сухо и сытно, вот настоящий критерий счастья!

Бдительность – наше всё

Не сразу понял, что меня разбудило. Никого ведь не было в квартире, уснул в одиночестве, а тут кто-то бубнит вполголоса, будто старается не потревожить мой сон. Воры? Деликатные, старающиеся не разбудить хозяина, пока потрошат его нычки? Стоп! Какие воры? Это же Людмила припёрлась ни свет, ни заря, и выгребла всё, нажитое непосильным трудом. Но голоса странные и женский совсем не Людкин, а какой-то странно знакомый.

Бр-р-р, я же умер, потом родился, у меня новая семья! Нет никакой Людки, точнее, она осталась в далёком будущем, а я провалился в глубокое прошлое и возродился в образе младенца, аки Христос! И то там ругается, поминая закон и чью-то неумеренную любовь? Кому пеняют на то, что без разрешения компетентных органов присвоил себе младенца? Понятно, кто-то настучал, не удержал воды в... ступе!

Народ у нас глазастый и решительный, когда лично его данный факт не касается и никаких действий от него не требуется. Стучи себе и получай удовольствие! Привычка в глубине души сидит или страх, как бы чего не вышло, но при всякой непонятной, из ряда вон выходящей ситуации, бегут, пишут, звонят, спеша уведомить органы. Так оно легче – переложил свои подозрения и страхи на плечи человека в погонах и живётся спокойнее.

Так что без поли... в смысле, милиции всё равно не обошлось. Не может такое событие пройти мимо её недреманного ока: нужно зафиксировать факт протоколом, собрать улики, найти виновную или виновных, наказать по всей строгости закона... про меня могут и забыть в суете – задвинут под лавку, чтобы не мешался и пошла писать губерния.

Хотя с моей новой мамочкой не забалуешь. Это она с виду хрупкий цветочек, дрожащий на ветру, а внутри стальной стержень и энергии, как у атомного реактора.

– А я, Макар Степанович, лишнего на себя не беру, – хлопнула она по столу ладошкой. – Я его нашла, и это мой ребёнок, а вы там можете что угодно в своих протоколах писать! Никому я его не отдам, мой он и всё!

– Гражданочка, ну, есть же закон, – пытается упираться пожилой старшина, – не могу я вот так просто вам дитя бесхозное отдать! Нужно следствие провести, особые приметы, анализы там всякие, портрет преступницы предполагаемый! Ребёнок пока побудет в доме малютки, там за ним и уход правильный обеспечат и...

– По-вашему, я ребёнка обиходить не смогу? Что у меня рук-ног нет? Или не куплю малышу пелёнку лишнюю? Э-э-эх, Макар Степанович, что же вы глупости такие говорите? И какой портрет вы составить хотите? Он сейчас только на самого себя похож! В роддоме ещё сотня таких же лежит и все на одно лицо! Портрет они составят! Не отдам!

– Да что же мне с вами делать? Вот тогда и пишите тут вот – отдать новорождённого ребёнка мужского пола отказываюсь... фамилия, имя-отчество полностью... расписывайтесь. Не знаю, что на это скажет начальство, а я бы вещдоками не разбрасывался, – утирая пот со лба платком не первой свежести, недовольно ворчит старшина. – Разбаловался народ, никакого уважения к органам, Сталина на вас нет! Чужого ребёнка прибрала к рукам и не замай!

– А ты меня Сталиным не пугай, – вскипает мамочка, резко перейдя на «ты», – он детей любил и никогда бы не позволил вот так с ребёнком поступить! В Советском Союзе чужих детей нет, Макар Степанович! Был он ничей, а стал мой!

Прям прослезился от такого заявления, вспомнив, как в наше время мамы-кукушки пачками от детей своих отказываются, потому что они не вписываются в их жизнь, карьеру, будущие отношения. Скидывают обузу на государство и забывают напрочь, что был такой вот факт в их биографии.

Редко, очень редко кто в нашем, XXI, веке чужого ребёнка в свою семью возьмёт, потому что генетика, наследственные заболевания, карма и прочие глупости, мешающие воспринимать

чужого ребёнка, как собственного, Богом данного. А тут без рассуждений, с ходу, не вникая в детали – мой и всё! Ну, здравствуй, мама! Дом, милый дом!

– Ты, Светланка, не ерепенься, – хлопнув ладонью по закрытому планшету, одёргивает её старшина, потеряв терпение. – Хотелки твои никого не интересуют. Припишут похищение младенца и айда лес валить в Сибирь. И не посмотрят, что дитё малое не руках, в детдомах, милая, место всем найдётся!

А чего они на «вы» общались, если, судя по всему, знают друг друга давным-давно? Поли-тесы, етить-колотить, прямо неземные какие-то! А полиц... милиционер дело говорит, нельзя вот так с бухты-барахты заявить, что это твой ребёнок. Если одному разрешить, завтра начнут таскать детей с улиц, как горячие пирожки.

– А что делать, Макар Степанович, если душа болит, как только представлю, что отдаю его чужим людям? – всхлипнув и тут же утерев слезу платочком, спрашивает Светлана. – Он был такой одинокий, беззащитный, его любая собака могла утащить и сожрать! И тогда ни у кого бы никаких вопросов не возникло! А вот взяла его к себе, умыла, одела, накормила и всё – виноватая по всем статьям! Разве это справедливо?

– Тут, дочка, нельзя дело на эмоциях решать. Ты остынь, погляди с другой стороны, а потянешь ты эту обузу? Завтра тебе на работу идти, с кем оставишь? С Марией? Или в школу с собой прихватишь? Будешь в учительской ему пелёнки менять и в школьном туалете подгузники стирать! Оно, конечно, правильно всё сделала, по-человечески, не по бумажке, а всё одно думать нужно, как ему дорогу в жизнь через тебя наладить! У тебя вон Машка уже на шее, а ты ещё одного хочешь повесить туда же? Не надорвёшься, девка?

– А чего Машка? Она большая уже, самостоятельная! Два года и в школу пойдёт!

– Я большая-большая-большая, – тотчас подскакивает сестрёнка, азартно дёргая милиционера за рукав кителя. – И вовсе я не на шее у мамки сижу, я посуду мою, вот!

– Ну, тогда оно конечно, помощница выросла, – ухмыляется в усы старшина. – Только тебе, Светланка, надоть его как-то в этой жизни прописать, чтобы он из «был никем» стал «всеми»! Что думаешь?

– Что тут думать, Макар Степанович? Сейчас поспит немного малыш, покормлю и пойдём в больничку, нужно ведь его на учёт ставить, к молочной кухне прикреплять, чтобы нормально питался, а не молоком из магазина. Умом-то я понимаю, проблем куча, а душа говорит, не думай, делай, как решила, и всё тут!

– Стало быть не отступишься, Светланка? Ну, будь по-твоему! А в больничку сходи, это правильно! Но не забудь, тебе ещё документы на него нужно оформить, чтобы прописать и направление в ясли получить. Так что, начинай бегать, Светланка! Будет в чём нужда, найди меня, подмогну, чем могу!

Проза жизни она такая. Нет в ней ничего романтического. Снег – это снег, земля – земля, дерьмо – просто дерьмо. Не можешь принять такие правила, сойдёшь с ума от расстройства чувств. Сделал доброе дело? Молодец, иди прими за это наказание! А ты хотел пирожок? Ничего не хотел? Э, нет, шалишь, в реальном мире ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным.

Дом, милый дом и... соседи

Хоромы, похоже, коммунальные, судя по соседям, прибежавшим на мои крики сразу после ухода участкового. Чистенько, но простенько, очень простенько и, глядя на книжную полочку, собирающуюся рухнуть, мужской руки тут давно не было. Но, не святым же духом Машенька зачата была, какой-никакой батька быть должен, вот только где он – загадка.

Пока меня до места посадки таскали, я, гукая и пуская пузыри, успел немного рассмотреть своё будущее жилище. Иллюзий не питал, никто не кинется мамаше с ребёнком отдельную квартиру выделять. Есть метры с удобствами и хорошо, у других те удобства во дворе и вода из колонки. Так что радуйся, Лёха, такому подарку судьбы и мотай на ус, но с этим нужно что-то делать, как только на ноги встану, в смысле, смогу деньги зарабатывать.

Вытянутая комната, освещённая окном в дальней стороне и балконом прямо посередине комнаты. Кровать, скорее всего, матери, и детская кроватка, из которой Машка, похоже, уже выросла. Но тянули до последнего, видать, со средствами негусто. А теперь придётся раскошеливаться, теперь в той кроватке новый жилец, а сестрёнка, похоже, временно переселяется в мамкину кровать. И вот странно, на лицах обеих моих женщин по этому поводу ни уныния, ни переживания, будто так оно и должно быть.

При входе в комнату шкаф у стены, за дверью прячется стиральная машина. Ага, блин, точно не «Вятка-автомат»! Стиральная машина «Волга». Помню из детства этот агрегат, яростно рычащий, подпрыгивающий цилиндр на колёсиках, постоянно рвущий простыни и пододеяльники – чудо советского производства, на которое молились и покупали при первой возможности.

Старый комод, от бабки, наверное, достался, судя по старинным ручкам и стёршейся позолоте. Коробка с Машкиными игрушками, включая ту самую куклу, больше похожую на Бабу-Ягу – страшненькая, зато своя!

Круглый стол в центре комнаты. В дальнем углу за Машкиной кроваткой двухэтажная тумбочка: на нижнем ярусе старый ламповый радиоприёмник, на верхнем пусто. Помню, в моём детстве на этом месте телевизор стоял, накрытый вышитой салфеткой. А тут просто салфетка!

М-да, верх скромности, откровенная беднота, но не слышу жалоб, только радость от моего появления в их жизни. Эх, какое времечко просрали, товарищи, променяв его на сто сортов псевдоколбасы и кружевные трусики! Да, совсем забыл, ещё ведь и свободу получили! От чести, совести и любви к Родине!

Блин, вот бы сюда мои нычки, я бы... А что ты бы? И куда бы ты с тем золотом и акциями сунулся? К барыгам? Чтобы загреметь в колонию? Про акции даже вспоминать не стоит, большинство компаний, их выпустивших, ещё и на свете не существуют. А деньги? Только доллары, но и за них можно влететь по полной.

Так что ты богатый нищий, Лёха, в стране Советов! Кстати, нычки все тщательно выпотрошены твоей бывшей, так что даже фантазировать на эту тему не стоит. Остро стоит вопрос скорейшего обогащения и, желательно, законным путём. Осталось решить одну, но противную проблему – как быстро вырасти или... научиться зарабатывать деньги, не слезая с горшка?

– Светлана Игоревна, а что это за крики детские из вашей комнаты? Гости приехали? А участковый зачем приходил? – участливо похрюкивал мужик в майке, ладонью утирая губы от хлебных крошек.

А ничего так имечко у моей мамашки, подходящее, светлое, доброе – везёт мне на хороших людей... к-хм, в первый раз в новой жизни, если быть точным.

– Вас это, Иван Сергеевич, не должно беспокоить никоим образом, – отшила соседа Светлана, пытаясь вытолкать его из открытой настежь двери. – Пришёл Макар Степанович и ушёл, было дело, да сплыло, идите уже, доедайте своё сало!

– Вы о моём сале не беспокойтесь, Светлана Игоревна, а вот насчёт мальчика просветите по соседски – он тут на время или теперь нам постоянно концерты без заявок слушать? Прихожу с работы уставший, хочу отдохнуть, а тут ор на всю квартиру? Мы так не договаривались, соседка, нам покой и тишина нужны, а не бедлам и грязные пелёнки! – сосед входил в раж, орал, не стесняясь женщины, её дочери и малого ребёнка, с интересом поглядывающего на это мурло в застиранных трениках с выпяченными коленками.

– Иван Сергеевич, а мы с вами вообще ни о чём не договаривались, – отрезала Светлана, уперев руки в бока. – Это моя законная комната, у меня на неё ордер имеется, и в нём не написано, что я не имею права проживать здесь с ребёнком! Я ведь вас и вашего сыночка терплю? Вот и вы привыкайте!

– Ишь чего удумала? Притащила потеряшку с улицы и надеешься у нас комнату оттяпать? Не получится, накося выкуси! Это ещё посмотреть нужно, откуда эта потеряшка появилась? Небось, украла мальчика из роддома, чтобы жилищные условия за наш счёт поправить? Я руководящий работник... имею право... не позволю... завтра же напишу заявление в исполком о вашем аморальном поведении, – напирал пузом сосед, явно собираясь расширить плацдарм вторжения.

– Всё сказал? А теперь сгинь, нечистая сила! Угрожать он мне будет, – возмущённой коброй прошипела Светлана, надвигаясь на соседа, словно примериваясь, куда вонзить ядовитые зубы.

Вот не удивлюсь, если её зрачки сейчас стали вертикальными, а клыки выдвинулись в боевую позицию – с неё станется! Настоящая женщина защитит своих детёнышей всеми доступными средствами, не жалея собственной жизни и здоровья, чёрту душу продаст, а обидчика достанет и сгноит! Зря, ой зря ты, сосед, на неё пасть раззявил!

– А ты на меня, соседка, волком не зыркай, я тебе не барашек робкий, – упирался сосед, считая, что его слово должно быть последним. – Добром прошу, избавься от младенца, отдай в приют, чтобы всё стало, как прежде – тихо и мирно, а мы тебе за это... кладовкой пользоваться позволим! Ну, по рукам? Хочешь, я сам его оттащу куда следует, чтобы тебе рук не марать?

– Мама, не отдавай Лёшку, он мой братик, – завопила Машка, прикрыв меня всем своим худеньким тельцем. – Уйди, дядька Иван, не нужна нам твоя кладовка, – кричала она, стискивая меня изо всех сил.

Ещё чуть и задушит ведь от доброты душевной и любви неземной. Мелкая, а сильная. А что она там кричала? Лёшка? Кто Лёшка? Откуда она знает, как меня зовут... звали там... я ведь не говорил... как догадалась? Братик? Братик Лёшка? Бли-и-и-н, ну, здравствуй, сестрица Машенька! И прощай, если прямо сейчас не ослабишь крепких сестринских объятий! Ну, же, Маша!

Не слышит, в раж вошла, ни за что не отпустит ведь! Маша-а-а-а, богом молю ручонки ослабь... То ли писк мой еле слышный её вразумил, то ли искорки фиолетовые по ручонкам её пробежавшие, но родственные узы ослабили очень даже вовремя, позволив мне вдохнуть и заорать благим матом. Хотелось бы именно матом, чтобы мужика унесло из дверей, но детский крик подействовал на него, как катализатор.

– Вот, видите? Слышите? И как теперь жить с таким привесом? Вы должны учитывать право каждого советского труженика на законный отдых, а вы... вы – эгоистка... вы – интриганка... вас нужно через суд лишить прав на эту комнату... А ну,пусти меня, гадина, сам решу все проблемы, – рыкнул сосед и, отмахнувшись от Светланы, рванул к кровати, схватил меня в охапку, собираясь удрать из комнаты с причиной расстройства.

Ну, я не напрашивался, ты сам себе доктор, скотина такая. Кто к нам с чем пришёл, тот сам себе и дурак! Не знаю, что за благодать во мне проявилась и кто мне позволяет этим пользоваться, но грех отказываться от умения, даже не понимая его сути – получи, фашист, гранату!

Видимые, скорее всего, только мне фиолетовые молнии, искрясь и разделяясь на множество ручейков, вырвались из меня и потекли по рукам жирного борова, впиваясь в его тушу, прорываясь глубоко внутрь, вспыхивая в брюхе фиолетовыми всполохами. Не силен в анатомии, но сейчас, видя те самые внутренности, как на экране телевизора, понял, что последствия неизбежны и фатальны для репутации соседа.

– Ой, – он неожиданно для себя выпустил меня, нимало не озаботившись, куда я при этом упаду. – Что со мной? – лицо его обиженно искривилось, глаза от натуги вылезли из орбит, он покраснел, боясь вздохнуть.

Схватившись руками за треники, словно они могли хоть как-то спасти ситуацию, попытался сбежать, но в тот же момент по комнате разползлись неприятные запахи, на штанах отчётливо проявилось огромное мокрое пятно, а на пол, стекая по ногам, потекла вполне узнаваемая бурая жижа.

– Пустите... мне срочно... ой, ай, как же так... Что вы смотрите? Ведьма-а-а, – заорал он, ринувшись напролом, оставляя за собой цепочку вонючих следов.

М-да, а хотел просто напугать, заставить отпустить меня, уйти с глаз долой, чтобы перестал наезжать на мою новую семью своими хамскими заявлениями. И кому теперь всё это отмывать? Вопрос риторический! Вырасту, набью морду этому кабану, если он к тому времени сам не сдохнет! Угу? Угу! Ух, как я доволен!

– Мам, а мам, смотри, Лёшка не напугался, он улыбается!

Кому-то полы мыть, а кто-то радуется, что братик не ревет из всех сил, пачкая пелёнки. Хотя... с этим я поспешил – перенапрягся, бывает. Так что в плане у Светланы два больших дела – убрать следы агрессии и поменять мне пелёнки, но – дело житейское, зато, надеюсь, соседа мы теперь нескоро увидим.

– Лёшка? Почему Лёшка? Мы ведь ещё даже не думали, как его назвать, Маша!

В голосе Светланы, несмотря на мутные перспективы уборки и последующих разборок с соседом, слышалось облегчение.

– Ну, мам, ты сама посмотри, он же вылитый Лёшка! Не Сашка, не Колька, не Петька, а Лёшка, – приводя железные доводы, гордо заявила Машка, одновременно принюхиваясь к неожиданному братику.

– Лёшка? Алексей? А отчество? Мы же не знаем, кто у него отец! Без отчества ребёнку нельзя, – авторитетно заявила Светлана, тяжело вздохнув при этом.

М-да, вспомнила, похоже, про такую же проблему для собственной дочери. И какая тут история скрывается? Был жених, да сплыл, как только жареным запахло? Тогда отчество у Машеньки из категории «лишь бы на этого кобеля не было похоже». Или был муж, да погиб? Тогда честь по чести, хотя ко мне никакого отношения не имеет. Задача.

– Мам, пусть будет, как у меня – он же мой братик! – уверенно заявила Машка, ничуть не сомневаясь в логичности своего заявления. – Я – Мария Владимировна, а он пусть будет Алексей Владимирович! Так ведь правильно?

Вот как так-то? Как ей это удаётся? Или кто-то там наверху в список бонусов за реинкарнацию подкинул ей идею подарить мне моё же собственное имя? На фамилию даже не рассчитываю, это было бы уже слишком, но заново привыкать к новому имени не хотелось бы. Да, я пока младенец, но сознание-то моё за шестьдесят лет перевалило, поздно привычки менять. Спасибо тебе, не знаю кому, за такой подарок!

– Пусть будет так, Машенька, а сейчас у нас уборка! Пойдём за тряпками, тазом и водой, нужно приводить квартиру в порядок, чтобы следов этого хама в комнате не оставалось!

Эй, а про меня забыли? Машка, ты же приноживалась? Сестричка, себя вспомни! Не самое приятное лежать в грязных пелёнках, особенно, понимая, в чём именно лежишь, испачкав их самым отчаянным образом. С другой стороны, откуда её помнить, она-то совершенно нормальная родилась, даже не осознавая себя особо в том периоде жизни!

Так что спасение утопающих – дело рук самих утопающих или... заботливой мамки, глубинным женским чутьём понимающей проблемы собственных детей. С другой стороны, я ведь не её ребёнок, как ей меня чувствовать, ежели я не кровиночка собственная, не часть души материнской? А? Что? Куда? Пелёнки менять? Кайф!

Машкина кроватка становится моей, откуда-то появляется скрипучая раскладушка и дом наполняется новой жизнью, новыми звуками и запахами. Дом, милый дом! Теперь могу спокойно спать, кушать и думать, как докатился до жизни такой и кого тут нужно спасать? Но сперва, следуя солдатскому завету, после сытного обеда полагается поспать! Э-эх, держите меня трое, а то от зевка челюсть сверну!

Где тут талоны на жизнь дают?

Среда, 15.06.1960, Светлогорск

Показалось, только глаза сомкнул, а уже проснулся полный энергии и желания покушать. О чём и сообщил незамедлительно, используя кряхтение и крик в качестве универсального языка общения с окружающим миром. Новая жизнь – новые радости, маленькие, но стоящие намного больше, чем шикарный обед в элитном ресторане, потому что счастья от них столько, что хочется жить, а не страдать от мелких несправедливостей жизни.

Пока переваривал молоко, мамка собиралась, складывая в сумочку документы, ключи, кошелёк и ещё тысячу мелочей, ни одна из которых, скорее всего, не понадобится. Никогда не понимал этого женского прикола – разбирать и собирать сумочку заново, набивая её, как рюкзак на двухнедельный поход в полном отрыве от цивилизации. Всё своё ношу с собой – главный принцип мужика, но это вещи, которые наверняка нужны и будут востребованы. К тому же они знают своё место и редко его покидают, потому что сумка, обычно, у мужика одна и ему не требуется подбирать её в тон блузке, туфлям или настроению.

Слава богу, суeta сборов закончилась и теперь предстоит поставить меня на довольствие в молочной кухне, получив заветную справочку в поликлинике. Намёки участкового действовали на Светлану, процесс решено начать с важного, потом можно начать осаду исполкома, милиции и органов опеки, потому что без бумажки ты букашка, а с бумажкой получаешь право прописаться на данной жилой площади, превратившись в головную боль для соседей.

Ну а пока сидим в кабинете врача – Машка на стуле в углу, беззаботно болтая ногами и с любопытством оглядываясь по сторонам, я на пеленальном столике, взвешенный и измеренный, мамочка перед столом доктора, нервно теребя платочек в руках.

– Светлана Игоревна, и что мы в «Сведения о родителях» запишем? Есть у вас хоть какая-то справочка?

– Простите, я же вам сказала – ребёнок лежал на крыльце больницы, замотанный в какое-то старое одеяло и наволочку. Ясно ведь – подкинула какая-то кукушка, не желая воспитывать, – в пятый раз повторяла мою историю Светлана. – Я считаю, нужно его обязательно осмотреть, на учёт поставить, чтобы каких болячек не пропустить. Порядок я знаю, свой ребёнок есть. И этот мне теперь не чужой, воспитаю, как своего, даже лучше – опыта у меня теперь гораздо больше, чем в первый раз! Так что теперь я и есть его родители, то есть мама!

– Это я уже слышала, но и вы меня поймите, Светлана Игоревна, нужен документ, подтверждающий степень вашего родства с этим ребёнком. Что вам в милиции сказали? Обычно они в таких случаях справку дают, хотя... обычно, насколько я знаю, такие дела так быстро не делаются! Там ведь и органы опеки своё мнение высказать должны...

– И что теперь, бросить ребёнка на произвол судьбы?

– Ну, почему сразу бросить? Есть дом малютки, там хорошие врачи и нянечки!

– Нет! Это мой ребёнок, и я его никому не отдам! Пишите в карточку: Алексей Владимирович Бардин, родился... ну, пусть будет сегодняшний день... пятнадцатое июня 1960 года. Пишите, а там разберёмся с бумажками!

Ого, куда меня занесло! Это даже пораньше моего первого рождения! Повезло! Заново ту же жизнь проживу, по тем же дорожкам побегая, с теми же мальчишками подерусь, с теми же девочками... Стоп! Когда родился, понятно, остаётся выяснить, где родился!

– Если честно, ребёнок не выглядит новорождённым, – скривила губы врач. – Пупок втянулся, головку держит, взгляд осмысленный, – перечисляла она возрастные признаки. – Такое ощущение, что ребёнку уже три, а то и четыре месяца.

Странные дела творятся, Господи – только родился, а уже мужчина в возрасте. Если так и дальше дела пойдут, прорежутся усы и борода. Хорошая шутка, но родился я на свет именно сегодня, к бабке не ходи, знаю это совершенно точно, был тому свидетелем.

– Для меня он родился сегодня, – упирается Светлана, – а как там было на самом деле, никому дела нет, – отрезает она.

– Будь по-вашему, Светлана Игоревна, – нехотя соглашается доктор. – А по какому адресу будет жить Алексей Владимирович? – нахмурившись, с недовольными нотками в голосе, спрашивает она.

– По моему адресу, по какому же ещё? – с возмущением, продолжая держать оборону, ответила Светлана.

– Светлана Игоревна, я ведь мысли не читаю, а паспорта вы мне не показали, да и свидетельства о рождении тоже – укорила её докторша.

– Простите, не подумала, – озадаченно всплеснула руками Светлана. – Светлогорск, улица Малышева, дом тринадцать, квартира шесть дробь два. Коммуналка у нас, – спешно пояснила она.

Облом. Точно не Москва. И никакого отношения к моему Моршанску не имеет. Но и на этом спасибо! Новая жизнь, новые города, новые люди, новые возможности! Главное – не терять веры в светлое будущее, и оно обязательно наступит, если сам его не изгадишь.

– Вы одна там проживаете?

– Н-н-ет, с дочкой. А какое это имеет значение? У нас большая комната – двенадцать квадратов и балкон есть, – зачем-то добавила она, как факт, однозначно подтверждающий моё право на эту жилплощадь.

– Простите, не моё, наверное, дело, а... муж? Всё-таки двое детей...

– Муж объелся груш, – отрезала Светлана, поджав губы. – Бросил сразу, как узнал, что я беременна! Завербовался, говорят, куда-то в Сибирь, а потом и вовсе пропал без вести. Так что одни мы с Машкой. Точнее, сейчас с нами ещё и Лёшка, – с какой-то тайной гордостью подчеркнула она, неожиданно раскрасневшись.

А красивая у меня мамка! Вот хоть прямо сейчас с неё картину пиши – Мадонна из хрущёвки! Эх, вырасту, всё сделаю, чтобы она с Машкой ни в чём не нуждалась! Мне бы только из пелёнок выползти, а там я дам жару этому миру и не позволю Союзу развалиться! Ой, кажется, я сейчас снова испачкаю подгузники! Нет, ну, когда изобретут памперсы?

– Хорошо, в виде исключения, ставлю вас на учёт, Светлана Игоревна, но жду справки из милиции и органов опеки, подтверждающие ваше право на воспитание этого ребёнка. В остальном совершенно здоровый малыш, но, явно в не совсем чистых пелёнках, – зачем-то язвительно добавила докторша на прощание и спрятала глаза, будто что-то старательно записывая в мою карточку.

Ух, язва! Погоди, вырасту, приду и в глазёнки твои наглые погляжу пристально, спрошу, негромко постукивая стволом Маузера по столешнице: «Пошто мамку обижала, паскуда?»

Остаток дня прошёл без происшествий и неожиданностей. Машка, довольная, что не нужно идти в садик, носилась где-то на улице. Светлана, накормив меня из бутылочки настоящим молоком и уложив в кроватку, занялась подготовкой арсенала пелёнок и подгузников, перебирая обрезки тканей и марли. А мне в отсутствие интернета, телевизора или тёплой компании самое время заняться неспешной медитацией на тему «Кого тут нужно спасать и как я это собираюсь делать?»

Главное даже не это, а зачем мне лично это нужно? Если выполню задание, меня вернут обратно? Прямо в тот самый предновогодний вечер до того, как я помер? Тогда есть смысл побарахтаться, чтобы не оставить в беспомощном состоянии Настю с Валюшкой, решить все вопросы с их новой квартирой и устойчивым финансовым будущим. Найти клинику для Валюшки, которая возьмётся её вылечить хоть до какого-то приемлемого состояния.

Но где гарантии, что всё это произойдёт, выполни я поставленную задачу, учитывая её расплывчатость? Как я узнаю, что тот, ради кого меня закинули в столь отдалённое прошлое, спасён? Не буду же бегать от одного потенциального самоубийцы к другому, дожидаясь положительного решения тех, кто меня лишил жизни. Неужели так сложно было показать фотографию, дать хоть какие-то исходные данные, за которые можно зацепиться и строить планы по спасению столь нужного им человечка?

Мысли текли лениво, как снулые рыбы в мутной воде, думать не хотелось категорически – младенцы живут в своём ритме, отличном от жизни взрослого человека. Пока спишь, растёшь и становишься умнее! Если с первым я соглашусь сразу, то второго во мне с избытком, так что пора бы уже начать пользоваться преимуществом, а не плыть по течению подобно тем самым рыбам. Мы не рыбы, рыбы не мы!

Подведём баланс, Лёха, сведём дебет с кредитом, определим стратегию и тактику достижения глобальных и промежуточных целей. Времени у меня вагон и маленькая тележка, так что можно без суеты составить план с горизонтом лет в десять, а то и двадцать! А что? Если мечтаешь, ни в чём себе не отказывай! Как говорят ракетчики, наша цель – коммунизм!

В дебете у нас долгая, только что начавшаяся жизнь. Плюсуюем наличие крыши над головой и семьи, как гарантии устойчивости той самой жизни. Добавим наличие некой загадочной фиолетовой субстанции, уже три раза выступившей моей спасительницей. Осталось понять, что это за хрень и как ей пользоваться по своему усмотрению, а не случайным образом.

В кредите отсутствие правоустанавливающих документов и прописки. К минусам можно отнести возраст, не позволяющий активно участвовать в жизни семьи, и влиять на её материальное благополучие. Физическим недостатком можно считать неспособность к самостоятельному перемещению, а также, что сильно печалит, невозможность нормальной речи.

Вот кто бы мог подумать, что для меня, небольшого любителя болтовни, старающегося избегать говорильни ни о чём, а особенно женского разговора обо всём на свете, окажется столь желанной возможность хоть как-то выражать свои мысли и желания обычными словами. Огромный минус в коммуникациях, нужно над этим работать неустанно!

С другой стороны, имей ты возможность говорить, что именно ты собираешься сказать, какие откровения подаришь этому миру? Самое время разложить по полочкам знания, отсеять откровенно невозможное, отложив его на будущее, составить список первоочередных, влияющих на жизнь государства, идей, но, самое главное, обдумать способ, как всё это донести до сознания лиц, принимающих решения на самом верху власти.

Кто поверит младенцу? Будут ли серьёзно относиться к словам подростка? Не поднимут ли наспех убелённые сединами профессора студента, указывающего правильный путь развития науки и техники? Не отправят ли в психушку провидца, рассказавшего о крахе Союза из-за неверно выбранного курса партии и откровенно проваленных решений съездов?

Думать можно долго, время есть, но его не так уж и много на самом деле, потому что каждое действие власти меняет вектор развития, направляя весь энтузиазм народа и материальные ресурсы в топку развала СССР. Каждый день, каждый час промедления делает сложнее задачу кардинального изменения жизни советского народа в лучшую сторону. Так что нужно напрячься и ускориться по всем направлениям, чтобы не было мучительно больно... сыро и неприятно.

А-а-а-а, кто-нибудь, поменяйте великому мыслителю пелёнки, а то он думать ни о чём больше не может, кроме как о том, что вынужден рассуждать о будущем, плавая в собственных кашках. Э-эх, никаких условий для переворота векторов, сплошные препоны и засады на пути к светлому будущему!

– Так, что за суета, Лёша? Боже, на тебя пелёнок не напасёшься! Не ворчи, маленький, это я так, по-матерински, ласково! Ты ведь не можешь сам на горшок сесть или в туалет сбежать! Так что делай свои дела спокойно, а мы с Машкой тебя спасать будем!

Приятно, чёрт побери, когда с тобой так ласково и нежно обращаются. Сколько раз лежал в больницах, включая и самые элитные, но никто вот так мне утку не подсовывал. Аккуратно, ловко, профессионально, не выражая эмоций по поводу содержимого, но без вот этой самой нежности.

Конечно, когда-то и я сам в прежней жизни был младенцем, но ничего из той поры в памяти не задержалось, потому что не соображал тогда, будучи именно типовым младенцем. А вот сейчас испытываю истинное наслаждение от простых слов и прикосновений. Не так уж и много нужно человеку для счастья, а мы всё гребём под себя, будто в гробу есть карманы и вы всё это захватим с собой на тот свет.

– Мам, а Лёшка уже проснулся?

А вот и Машка прибежала, готовая немедленно поиграть с новой игрушкой до полного её одурения.

– Маша, сперва руки помой, – осаживает её Светлана. – Потом нужно покушать!

– Потом покушаю, мам! Можно я Лёшке свою куклу покажу?

– Вот только не нужно пугать ребёнка, а то у него косоглазие будет или зайкой вырастет! Ты для начала куклу свою помой, причеши, наряди, а уж потом...

– У-у-у, как долго, – недовольно сопит сестрёнка. – Ну, тогда расскажу ему, что на улице было! Мы такого большого жука поймали! Вот он у меня в коробке! Слышишь, как жужжит?

Не спрашивая маминого разрешения, Машка суёт мне к уху спичечный коробок, который тотчас же раскрывается, и из него выползает крупный жук-навозник.

– Маша, убери эту гадость немедленно! Головой думай, когда всякую заразу младенцу в лицо суёшь, – вскидывается Светлана.

Жук, не обращая внимания на опасность со стороны мамы, стремительно бежит по одеялу к моему лицу, нацеливаясь прямо в глаз, а я ничего не могу сделать, потому что спелёнат, как буйный пациент психбольницы. Фу, гадость какая! Брысь! Пошёл вон!

Совсем крохотная фиолетовая искорка стартует откуда-то из глубин моей души и, будто зенитная ракета, врежется в насекомое, то ли парализуя, то ли убивая его напрочь. Вот и нету великана, вот и нету таракана! А сердечко-то колотится, будто на корриде от здоровенного быка увернулся! Хотя всё познаётся в сравнении! Фу, чем это так воняет? Что там сыпется из коробка прямо мне под нос?

– Ой, жучок сдох, – с сожалением констатирует Машка. – Не жужжит, не бежит, крылышки не распускает! Жалко!

– Маша, что это высыпалось на одеяло? – до носа Светланы долетает амбре субстанции, выпавшей из коробка.

– Петя сказал, что это жук-навозник и он питается всякими какашками, – простодушно признаётся Маша. – Чем-то нужно его кормить, чтобы не сдох? Ну, я нашла какую-то какашку и положила в коробок!

– Маша! – в голосе Светланы звенит металл. – Немедленно выброси в мусорное ведро эту гадость и помой руки с мылом! Господи, ну, за что мне такое наказание? Это же надо придумать – притащить в дом собачьи какашки и чуть не накормить ими малыша!

– И совсем они не собачьи, – обиженно бубнит Машка. – Что я не понимаю, что ли? Это кошкины какашки! Они такие маленькие, аккуратные, как раз в коробок входят, – снисходительно поясняет она матери, готовой уже отшлёпать юного зоолога. – А что мы будем кушать? – с милой непосредственностью переводит она разговор на более безопасную тему. – Ух, как я проголодалась! Ух, слона съем!

Ага, кому-то слона, а кто-то будет сосать молоко из бутылочки. Э-эх, зубки мои зубки, когда же вы прорежетесь? И, кстати, искорка моя спасительная, откуда ты нарисовалась? Где прячется то, что тебя порождает? И как мне самому уже решать, когда нужно всего лишь отмахнуться, а когда запускать оружие массового поражения?

Тишина. Нет ответов. Только тёплое молоко в бутылочке и где-то рядом довольное постукивание ложкой по тарелке – сестрёнка стремительно сметает еду, потому что вечером у неё дел не переделать, а скоро и её спать погонят.

Меня же от переживаний сразу в сон клонить начало. И даже сопротивляться не буду, потому что во сне дети растут, а это у меня пункт номер один в плане! Если я за первый день жизни вырос сразу на три-четыре месяца, то скоро как раз не усы, а зубы резаться начнут, и тогда реально обрету известность в мире медицины – зубастый младенец!

А оно нам надо? Нет, категорически нет! Не нужно нам отсвечивать. Мы тишком, молчком, мышкой серой будем пробираться к истокам власти, чтобы потом грубой подсечкой развернуть историю в правильном направлении. Не дам развалить Союз нерушимый! А пока спа-а-а-ть!

Месть – блюдо холодное

Выключен свет. На раскладушке сопит сестрёнка, разметав во сне одеяло. Светлана, закончив вечерний ритуал, пропев мне на сон грядущий баю-баюшки-баю, моментально усыпившие Машку, юркнула под одеяло, поворочалась в постели, не согретой мужским теплом, повздыхала и отошла в мир грёз. Только мне не спится, хоть глаз выколи, нет сна и всё тут!

Тёмная ночь, только пули свистят по степи, только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают. Звёзд из моей кровати не видать, а вот грусть навалилась, аж ни вздохнуть, ни пукнуть. Тоска и раздражение.

Первая ночь в новой жизни. Надо бы спать и сладкие сны видеть, но злость кипит, и разум возмущённый требует отомстить соседу немедленно. Мужик я или чмо дрожащее? Нельзя подобное спускать безответно, месть должна быть быстрой и неотвратимой!

Кладовкой он, видите ли, пользоваться разрешит! Добренький какой! Буквально царский подарок с барского плеча! То есть он её себе прихватизировал, как хан Батый, а теперь милость проявляет? Но при одном небольшом условии – возьмите и выбросьте в канаву мальчика, угрожающего их спокойной и сытой жизни!

Эх, руки у меня связаны в прямом смысле этого слова, учитывая практику тугого пеленания в целях заботы о здоровье младенца неразумного. А так выбрался бы из кровати, пробрался бы в стан врага и... нагадил бы им на коврик? Ну, что ещё у тебя есть в арсенале, Лёха? Мужик ты пока исключительно по внешним половым признакам, да соображаловке старика, а вот всё остальное требует развития и совершенствования.

Думай, Чапай, напрягай извилины, ночь длинная, никто не мешает строить стратегические планы. Возьмём, к примеру, фиолетовые штуковины, которыми напугал соседа до усрачки. Нужно всего лишь вытянуть их подальше, пройти сквозь стену, нащупать тушку, сопящую в две дырки, и...

Эй, я с кем разговариваю? Ау, ты где? Слушай мою команду... Бардак в войсках, никакого чинопочитания, собственное оружие дрыхнет и не отзывается в нужный момент, будто нет его и никогда не было.

Но я же помню! Я ведь знаю! Ты же мне помогало! Нужно к тебе обратиться с должным уважением, прочесть чудное заклинание, сплести пальцы в хитрую кудру? Нет же! В прошлые разы всё было легко и просто – чик и наши в дамках!

Вот ведь взрослый мужик, а рассуждения шкодливого пацана. Пользуйся преимуществом, данным тебе мирозданием, то есть мозгами, Лёха! Нужен план. Кто, что и когда делает, чтобы мы достигли поставленных целей! Угу. И как ты этот план собираешься доводить до войск? Моргнул левым глазом – артиллерийская подготовка, пукнул три раза – пошла в атаку пехота?

Без физической силы, без связи, без возможности влезть в мозги неприятеля, ты – ничто и звать тебя никак на текущем этапе развития! Так что не пыхти, Лёха, смились с поражением... временным поражением и жди момента, когда дойдёшь до нужной кондиции. Как там говорил Конфуций? Если долго сидеть на берегу реки, мимо обязательно проплывёт труп твоего врага!

Стоп! Мысль ведь какая-то правильная мелькнула! Только что! Вспоминай, Лёха! Физика... связи... возможности... мозги... Точно, не можешь дать в морду, проберись глубже и вдарь по мозгам! Ты ведь умеешь, ты ведь это уже пробовал, осталось только... умереть! Глупая идея – только заново жить начал и сразу помереть ради какой-то кладовки?

Ну, не совсем из-за кладовки, а справедливости ради. Отомстить за попанную женскую честь и материнские чувства! Показать, кто в доме хозяин, а кому нужно смиренно по стеночке пробираться, опустив глазки пороссячи в пол, к местам общего пользования. И кладовка, раз

уж о ней речь зашла, должна вернуться в общее пользование! Ради такого и жизни не жалко! Наверное.

Если честно, глупая идея, в смысле помереть, а так-то задумка супер. С другой стороны, сон – маленькая смерть! Нужно всего лишь уснуть крепко-крепко и тогда можно повторить то же самое, что проделал с Людкой! Пусть у соседа башка поболит от моего ментального удара подкованным сапогом! Вот только проблема – как выполнить задуманное, если для этого нужно уснуть? Что за идиоты писали инструкции для начинающих душелётов? Если я усну, кто будет разделять тело и душу? Пушкин?

Нет, мы пойдём другим путём, а помогут нам в этом кто? Сила воли и сила духа! Вспоминай ощущения души, свободной от уз тела! Пытайся воспарить над собой! Тело отдельно, мухи... то есть душа отдельно, но не совсем! Это я так, на всякий случай, чтобы не нарушить связь между ними своими дилетантскими попытками младенческого суицида. Не хотелось бы получить бездушного идиота и свободно порхающую душу. Холодным потом покрываюсь, вспоминая проблемы с их воссоединением, но от идеи не отказываюсь.

Как там в первоисточниках пишут? Реальность, это бред, данный нам в ощущениях! Или как-то близко по смыслу. Нужно очень реально представить, как душа воспаряет над телом, получая самостоятельность, но не теряя с ним связи. Два в одном, как Бонни и Клайд, дерзко и быстро, прикрывая спину друг другу!

Напрягайся сознанием, а не телом, чтобы не испачкать пелёнки раньше времени. Закрой глаза и почувствуй, как душа начинает двигаться, заставляя тело мелко вздрагивать, встряхивается, разрывая оковы, всплывает над тобой, но между вами остаётся тонкий связующий шлейф, как у космонавта, выходящего в открытый космос. Чувствуешь, как тяжелеет тело, как тянет в сон? Но спать нам нельзя, Лёха, у нас есть дело! Нам ещё нужно просочиться в другую комнату и...

Стоп! Это кто? Это то, о чём думаю? Будто в зеркало смотрюсь. Странное такое чёрное зеркало, в котором отражается полупрозрачный старик, бестолково размахивающий руками и ногами над лежащим в кроватке младенцем. Нет. Я сплю, и мне это снится. Много думал, хотел, мечтал и вот мне снится сон. Просто сон. Очередной дурацкий сон.

Вот только сон не хочет сдаваться и меняться на уютные детские картинки, продолжая строить коварные планы в отношении зловредного соседа. Получилось? А почему тогда старик, я ведь ребёнок? Понимаю, глупый вопрос – телом младенец, до душа в тебе старика. Говорят, внуки – первые дети, потому что именно им достаётся вся та любовь и нежность, которую не успел отдать в молодости собственным детям. А как быть, если ты сам себе внук? Возлюби ближнего?

И всё равно не верю, что это не сон, потому что в сознании того самого старика за долгую жизнь столько всякой дряни токсичной накопилось, что младенец вполне может увидеть кошмар, несвойственный возрасту. Какому возрасту, Лёха? Тело у тебя младенца, с этим не поспоришь, но сознание-то стариковское и удивить его кошмарами сложно! Так что отставить мнительность, пора за дело приниматься, пока петух не пропел, разгоняя всякую нечисть и блуждающие души по норкам.

Нужно проверить, сон мне снится или реально произошло разделение души и тела? Нужен способ, гарантирующий однозначный ответ. Как там писал товарищ Ленин? Лучшая проверка теории – практика! Сделай то, что во сне невозможно! Узнай то, что младенец и ты сам знать не могли! Убедись потом, утром, что сон и явь соответствуют друг другу, и тогда камень станет оружием пролетариата! А уж потом...

Ну, кого ждём, дедуля? Пора собирать информацию! Полетели в закрома, как любил говорить Остап Бендер, спеша ограбить очередную доверчивую вдовушку. И закрома у нас прямо за шкафом, через стенку. Ух, хорошо быть привидением – легко пролетаю сквозь тём-

ный шкаф, пробиваю лбом стенку и влетаю в большую комнату, подсвеченную уличным фонарём.

На диване в углу, развалившись, скинув по случаю жары одеяло на пол, спит пухлый пацан лет десяти. Копия папаши, уменьшенная раз в пять. Если он и характером пошёл в него же, наплачемся мы с Машкой! Ставим галочку в плане нейтрализации угроз – закошмарить, чтобы и смотреть в нашу сторону боялся!

Обстановочка в комнате существенно богаче, чем у нас, чувствуется доступ к дефициту и наличие денежных средств в суммах, превышающих официальную зарплату. Но я не ОБХСС и не прокурор, моя задача простая, сермяжная – получить доказательства, а уж потом будет вам на орехи и билет на Колыму в один конец!

Дальше летим, собираем информацию, делаем, как говорят военные, рекогносцировку на местности, чтобы знать, куда корректировать огонь артиллерии. Вот и родительская спальня. Надеюсь, они там ничем непотребным не занимаются в столь поздний час? Я не моралист, против порнухи ничего не имею против, но совершенно точно не с такими актёрами в главной роли. Фу, спят! Отлично! Начинаем операцию «Привет от младенца»!

Хм-м, а почему сосед спит в той же майке, трениках и тапочках, в которых ворвался в нашу комнату? Он как минимум должен был те треники вместе с трусами постирать, да и тапкам досталось изрядно. Неужто он решился прямо так в супружескую кровать завалиться? Представляю, какие ароматы там сейчас веют!

Хм-м, странное, практически невозможное совпадение! Почему лицо его жены подозрительно напоминает Людкину физиономию? И откуда на обычной советской тумбочке смартфон взялся, до появления которого ещё больше пятидесяти лет? А ёлка им зачем летом? И Снегурочка на столе пляшет, хохочет и орёт матерные частушки, словно намекая: «Дурень ты, Алексей Владимирович, и уши у тебя холодные!»

При чём тут мои уши? И не надо меня за них тормозить! Я привидение, вы не можете меня потрогать! Руки прочь от призраков! Лапы, говорю, убрал! Эй, я буду в... профсоюз привидений жаловаться на неуважительное отношение и откровенное наплевательство отдельных граждан на права бесплотных мстителей! Ух, как сейчас врежу из всех стволов, чтобы у вас самих уши отвалились!

– Мам, тут Лёшка проснулся и буянит! Можно я его распеленаю? Ему тоже нужно сделать зарядку, – голос Машки звучит диссонансом разгорающейся битвы с соседом.

Она тоже в моём сне? Или сон закончился? В смысле? А как же полёты во сне и наяву? Я ведь... уснул? Угу. Как там у парашютистов? Пока не научитесь правильно группироваться при выходе из самолёта, парашютов не дадим!

– Можно, Маша, и даже нужно, но только осторожно, – разрешает мама, помогая сестрёнке снимать с меня оковы пелёнок.

Кстати, кто там заикался о зарядке? Поддерживаю целиком и полностью – физическую форму нужно усиленно накачивать! Так что – поставьте ноги на ширину плеч! Ну-у-у или хотя бы поболтайте ими в воздухе, добавляя к упражнению плач голодного койота!

– Вот так нужно делать, Лёша, вот так, – мой персональный фитнес-инструктор двигает моими руками и ногами, словно они деревянные и на шарнирах.

– Маша, осторожнее, он ведь человек, а не кукла, – всполошилась мама, прибежав на мои вопли. – Молодец, что делаешь с ним зарядку, но мягче и не так быстро!

Она перехватывает инициативу и за пять минут накачивает мне бицепсы, трицепсы и аппетит до космической высоты. Это здорово, конечно, но нужно уже как-то начинать самостоятельные упражнения. Как там в решениях съезда? Пятилетку за три года? Отличный план, дайте два!

Быть примером хорошо, но накладно

Четверг, 16.06.1960, Светлогорск

Нам песня строить и жить помогает, а мне её заменяет здоровый детский ор, которым и наполняю нашу комнатку до отказа так, что моя песня выплёскивается далеко за её пределы и будит соседей, уже начинающих стучать в стенку. Стучите-стучите, мой коварный план однажды сбудется и тогда стучать будете зубами... от страха!

– Маша, заканчивай упражнения, – строго приказывает Светлана, – умываться и за стол! Тебе в садик, а нам с Лёшей нужно по инстанциям побегать ещё.

– А можно мне вместе с вами побегать? – с потаённой надеждой интересуется Машка. – Вчера же не ходили в садик и ничего не случилось!

– Нет, Маша, давай не будем нарушать порядок! Мне ещё на работе нужно отпроситься, а потом в несколько мест заскочить, там по разным кабинетам побегать, так что с вами двумя я с ума сойду!

– Ну-у-у, мам, я буду себя хорошо вести, – канючит Машка, надеясь разжалобить мать.

– Я быстро бегая, могу с Лёшкой в коридоре посидеть, пока ты будешь в кабинетах сидеть!

– Кушай и собирайся, – отрезает Светлана, не собирающаяся идти на поводу у сестрёнки.

– Вечером расскажу, как всё было, – обещает она.

Меня укладывают в старенькую коляску, и мы отправляемся сперва в садик. По пути Машка пытается как-то пристроиться, чтобы ехать со мной на коляске, но Светлана сгоняет её, справедливо опасаясь, что наше транспортное средство не выдержит нагрузки.

Не удивлюсь, если в этой коляске возили ещё дедушку Ленина – народ в нашей стране бережливый, не склонный к потребительству. Вот только у всякой вещи есть срок, после которого она существует исключительно на пинковой тяге и добром слове.

Слава богу, наш пепелац успешно доехал до садика, а там и преодолел космическое расстояние до школы. Точно не Мерседес, никакой амортизации, кроме собственной задницы и одеяла. Да и дороги, как после бомбёжки, кочка на кочке, ухаб на ухабе. Протрясло меня до глубины души, так и хотелось крикнуть: «Не дрова везёшь!», да не могу пока выражать чувства на могучем русском языке, хотя и владею им в совершенстве.

Хождение по инстанциям сродни хождению по мукам и главное, что при этом требуется – свободное время. Повсюду очереди, неспешность, необязательность, людям нужно срочно решать жизненно важные вопросы, а «У нас обед!» или «Переучёт!», а то и просто «Чай пьём!». И где это время взять работающему человеку? Правильно, отпроситься на работе! А работа? Работа не волк, подождёт!

Поэтому пункт номер один в дорожной карте обретения заветных документов – школа, где Светлана работает учителем младших классов. Советская школа, как я помню по себе, не институт благородных девиц – тут всё строго, чётко, в соответствии с инструкциями и приказами. Директор – командарм, завуч – начштаба, а учителя – бесправные командиры взводов, действующие в соответствии с Уставом караульной, то есть школьной жизни. Шаг влево, шаг вправо – выговор, отступление от линии партии – увольнение. Строго? Зато нет вседозволенности и разгильдяйства, заполнивших школы в постсоветское время.

Разговор с директором о моральном облике советского учителя и необходимости соблюдения законов шёл на повышенных тонах. Хотя, что такого, если учитель просит дать ему законно заработанные отгулы? Или я чего-то не понимаю в школьной жизни? Есть там, вообще, для учителей такое понятие или у них по жизни ненормированный рабочий день? Но чего орать-то сразу, будто беспроцентный кредит без залога и поручителей пришли кланить?

– Вот от кого ожидал подобного, но только не от вас, Светлана Игоревна, – выговаривает директор тоном инквизитора. – Вы должны быть примером безупречности, идеалом следования советским законам, примером для подражания, а что выходит на деле?

– Не понимаю, Михаил Иванович, что я такого нарушила, взяв под опеку ребёнка, выброшенного по ненадобности какой-то кукушкой? Может быть, нужно было проявить жёсткость и сдать малыша в милицию как потерянный зонтик? Или просто пройти мимо, надеясь, что милиция сама его найдёт когда-нибудь? – отбивалась Светлана.

– Вы говорите, да не заговаривайтесь, Светлана Игоревна, – отмахнулся директор. – Обратить на ребёнка внимание – ваша обязанность, как человека, но за его судьбу вы не можете отвечать, этим занимается государство! Потом, в общем порядке, вы могли бы подать заявление об усыновлении и получить полное право быть ему матерью, но не так вот, по-цыгански, что схватил, то моё и не замай, – постукивая ладонью по столу, строго отчитывал он Светлану.

– Ну, не смогла, – виновато призналась мама. – Взяла его на руки и сразу поняла – никому не отдам, мой он! Вы же, Михаил Иванович, должны это понимать – столько детей в войну без родителей осталось, неужто каждого нужно было пускать по инстанциям и детским домам? Просто брали в свою семью и жили, будто всегда так было! И я своего добьюсь, уговорю, докажу своё право быть ему матерью! Мне бы пару дней отгулов, Михаил Иванович, – попросила она.

Тебе жалко, что ли, законник? Планеты с орбит сойдут? Льды в Антарктиде растают, если чиновники подпишут бумажки не по процедуре, а по совести? Дай отгулы, мамке! Немедленно!

– Вижу, спелись вы с подкидышем, – неожиданно ухмыльнулся в ответ на мой крик директор. – Уговорили, Светлана Игоревна, даю вам два дня, но потом отчитайтесь, как всё прошло! Как называли мужика?

– Алексеем, – с облегчением выдохнула мама. – Дочка назвала, я и подумать не успела, а он уже Лёшкой стал, – улыбнулась она. – Мы пойдём?

– Посидите немного, – остановил её директор. – Напишу вам записку для милиции, исполкома и опеки. Что-то вроде поручительства от коллектива школы помочь в воспитании малыша. А то знаю я этих бюрократов, им лишь бы зацепиться за мелочь какую, но не принимать решений, не нести за них ответственности. Значит, Лёшей называли?

– Да-да, Алексеем... Владимировичем, – подтвердила мама. – Мы и в карточку в поликлинике его именно так вписали, и адрес наш, чтобы всё было по правилам. Уговорила доктора записать меня, как его маму, чтобы не был он сиротой безродным.

– В карточку? Это ведь отлично, – неожиданно обрадовался директор. – Не поленитесь, Светлана Игоревна, зайдите в больничку, сделайте выписку из карточки, чтобы с именем, фамилией и адресом! Какой-никакой, а документ! Бюрократу ведь что нужно? Чтобы он ни за что не отвечал! А тут бумажка с подписью и печатью – есть, на кого вину свалить, случись разборки!

– Обязательно сделаю, Михаил Иванович! Хоть и не принято за такое в школе благодарить, но спасибо за подсказку, – засмеялась Светлана.

– А ты, Алексей, помогай там, на горло бери, не давай мамку в обиду, – приказал директор, наклонившись к самому моему лицу. – Сразу видно, мужик, вон какой серьёзный, – улыбнулся он, смешно двигая седыми прокуренными усами.

Так точно, товарищ командарм, задача понятна! Разрешите исполнять приказ? Мам, кого ждём? Армия готова к наступлению, а ты тут в чувствах плаваешь, как утка в пруду! Соберись, мама, нас ждут великие дела!

– Ну, мы побежали, Михаил Иванович? – словно школьница робко поинтересовалась Светлана.

– Бегите и возвращайтесь с победой и документами! В школе не должно быть нездоровых слухов! Слухи должны быть исключительно здоровые!

Не родись красивым

Понедельник, 20.06.1960, Светлогорск

Не буду рассказывать, как матери удалось выбить мне место в яслях, чего ей это стоило, но уже через четыре дня, два из которых мы потратили на беготню по различным кабинетам, меня отправили с утра в ясли. Да, младенец, да, обычно роженице дают хотя бы три месяца на то, чтобы ребёнка и себя в порядок привести, но кто даст такой отпуск женщине, никого не рожавшей?

К тому же по всем показателям мне сейчас как раз те самые три-четыре месяца, так что приняли меня, как родного, ни слова не сказав про излишне малый для яслей возраст. Допускаю, большую роль сыграл мой командирский голос, вполне соответствующий уже принятому на довольствие контингенту.

Так что перешёл я частично на гособеспечение, отчего абсолютно не расстроился. Задача моя простая: ешь, спи, расти и желательно здоровым, чтобы как можно быстрее стать опорой семье.

В яслях я – один из сотни таких же кульков с ушами, сопящих, пыхтящих, орущих, кушающих, писающих и какающих. Инкубатор, одним словом. Занимаются нами добрые женщины совершенно автоматически, не прекращая разговоров о жизни. Мальцам без разницы, они пока в неосознанке, а вот мне всё интересно – кто, с кем, когда, за что?

Захочешь столько всего узнать специально, год жизни потратишь, а тут совершенно бесплатно сливается информация о самых разных аспектах жизни не такого уж большого городка, как Светлогорск. К вечеру уши пухнут от их трескотни, и только дома наступает относительная тишина, чтобы в спокойной обстановке разложить полученную информацию по полочкам.

Ну, как тишина? Машка расскажет матери, потом мне обо всех событиях в садике, затем они вместе обсудят меня, успевая за это время помыть, переодеть, накормить. Машка притащит матери книжку и начнёт канючить: «Мам, почитай про Чиполлино! Ну, почитай!» Вот ведь Балда Ивановна – пять лет девке, мать – учительница, давно пора самой любые книжки читать, не отвлекая никого от домашних дел. Но нет же, нам лениво и неохота, поэтому «Мам, почитай!».

Я бы и сам ей почитал, но пока говорить не выходит. Пробовал, когда никто не слышит – отдельные звуки получаются, а в слова не складываются. И я ведь точно знаю, как говорить, но язык и губы отказываются подчиняться! Эх, расти, Лёха, скорее, включайся во взрослую жизнь!

После книжки, уложив Машку, мать начинает баюкать меня, тетешкаться, как с маленьким. Хотя а кто я для неё? Конечно, маленький! То ли в куклы не наигралась, то ли с Машкой в таком же возрасте не проявила чувств, но вот теперь на мне оторвалась по полной. Лётся на меня её ласка и нежность богатым потоком.

Три месяца пролетели, как один день, на волне любви и ласки. Лето сменилось осенью, пожелтели листья, зарядили дожди. Гулять стали меньше, но мне ли унывать при таком раскладе? Машка вечерами сидит на полу возле моей кровати, играет со своими куклами и коробками, которые у неё за всякую мебель для её «дома». Болтает за себя и за куклу, вовлекая меня в их беседы, отрабатывая мои реплики с замашками маститого актёра, иногда отправляя мне в кровать игрушки, чтобы не скучал.

Радио сообщает последние новости или радуется приятной, спокойной музыкой. Успехи, достижения, выполнение и перевыполнение, товарищ Хрущёв, спутник с собаками в космосе, ура, товарищи, и никакой чернухи, которая будет литься в будущем из каждого утюга.

Если сейчас человеку рассказывают, каким он должен быть, то в будущем сделают упор на то, чтобы очень красочно и детально описывать, каким ему не нужно быть. На мой взгляд,

в Союзе поступали правильнее, потому что человек по натуре своей – зверь и, показывая ему, каким не надо быть, мы и пробуждаем в нём того самого зверя – хищного, жестокого, циничного. А потом удивляемся, откуда берётся насилие на улицах, в семьях, в школах.

За окном дождь лупит по стёклам, холодно и сыро, а дома тепло и уютно. Лежу в кровати, размахивая руками и ногами, гугукаю о своём, о детском, и наслаждаюсь счастьем, выпавшем мне в этом далёком времени. Только мамка в последнее время стала какой-то грустной, и Машка порой так посмотрит, что жутко становится.

– В кого же ты, Лёшенька, такой уродился? Кто ж так нагрешил, что на ребёнке судьба отыгралась? Или сглазили тебя где-то? – негромко, чтобы не услышала Машка, сама с собой разговаривала мама, поглаживая меня по голове.

А я весело гукаю, пускаю пузыри и радуюсь жизни, не понимая причины её печали. Зачем грустить? Руки-ноги-голова есть, между ног уверенное доказательство – мужик в доме, не косой, не кривой... Будущая надежда и опора, защитник мамкин! Эх, вырасту, бойся враг обидеть мамку или Машку! Никому спуска не дам, я за них...

Ну вот зачем меня сегодня мимо зеркала пронесли так, что я себя во всех деталях разглядеть смог? Любят женщины зеркала, мёдом не корми, дай покрутиться, на свою неземную красоту полюбоваться.

А мне оно зачем? Мужiku нужно быть чуть лучше обезьяны, и он уже красавец! Свет мой, зеркальце скажи, да всю правду Расскажи... разбил бы эти чёртовы зеркала и жил бы себе спокойно дальше! А как теперь жить с пониманием причин мамкиной печали?

Квазимодо помните? Нет, горба точно не было, но лицо... заячья губа распахала лицо, как след метеорита. Один глаз почти прикрыт уродливым наростом. Нос сплюснен и даже не пытается принять правильную форму. Уши торчат, как у Чебурашки. Не ребёнок, кошмар наяву. Такого выбросить нужно сразу и забыть навсегда, словно и не было меня в их жизни, а она со мной возится, любит, заботится, даже не помышляя как-то избавиться от уроды.

Теперь понятно, отчего няньки в яслях хмурились, на меня глядя, и крестились тайком, торопясь поскорее обиходить и накормить. Обычно всех по очереди обходят, а вот ко мне стали в последнюю очередь приходить и каждый раз другая нянька. Слышал, как они ругались и спорили, чья сейчас очередь мне пелёнки менять.

Понять не мог, что их так бесит и нервирует. Теперь знаю правду и могу понять, но вот принять никак – в чём младенец виноват, что не красавец? Тебе не замуж за него выходить, всего-то накормить из бутылочки, да обиходить, как обделается. Что ты рожи ему корчишь, думая, что он не понимает? Эх, люди, какие же вы жестокие порой!

О причинах уродливых изменений догадываюсь. Та тварь, которая меня родила, сперва пыталась убить, приняв первую таблетку. И убила ведь – отравы растворилась в теле, нанесла смертельный урон и младенец, как и обещал доктор, умер! Но тут появился я весь из себя такой чудесный, наполнил мёртвое тельце собственной жизненной энергией и сознанием, а потом сбежал из узилища, не позволив убить повторно.

Сбежал, но яд из тела никуда не делся и продолжил свою работу, мешая организму правильно выращивать младенца, внося жуткие коррективы в изначальный план. Скорее всего, тогда, на крыльце, я выглядел вполне себе нормальным ребёнком, на которого могло запасть нежное женское сердечко. Но сейчас! Уберите из комнаты все зеркала! Терпеть не могу своё отражение! Не лгите мне! Выбросьте в мусорный бак! А-а-а...

– Ну-ну, не плачь, малыш! Зубки режутся? Немножко поболит и пройдёт, зато будешь у меня зубастенький, как лев! Спи, сынок! Баю-баюшки-баю, ты усни, а я спую... Не спишь? А вот мы тебя водичкой умоем волшебной, заговорённой Господи, кто узнает, не видать мне работы, выгонят за суеверия! А что делать, Лёшенька? Бабка обещала, что поможет, только умывать нужно на ночь, да под молитву! А как мне, коммунистке, молиться? Может и одной водички хватит? Вот мы Лёшенку умоем, вот мы моего ненаглядного окропим святой водич-

кой, станет у нас Лёшенька красавцем, найдёт себе царишну красоты неопишумой, будут они жить-поживать, детей наживать! Ах, как спать хочется! Спи, мой хороший!

Какие зубки, мам, мне ещё четырёх месяцев нет? Какое тут спать? Плакать хочется. Рыдать крокодиловыми слезами от отчаяния. Как теперь жить с осознанием, что ты урод? Ну, кто на вопрос ответит? Эй, а помощь зала можно попросить? А звонок другу? И волшебников поблизости не наблюдается? Тоска-а-а...

– Что ж ты такой беспокойный сегодня, сынок? Животик болит? Сейчас мы его помассируем, и всё пройдёт! Вот кошечка лапками пробежала, вот курочка попрыгала, вот крупа просыпалась, птички прилетели, поклевали-поклевали-поклевали. Дворник пришёл и всё подмёл! Чистенько подмёл! Спи, Лёшенька, засыпай, маленький, маме тоже нужно спать, завтра рано на работу вставать, в школу идти, детишек учить! Баю-бай, баю-бай, спи, мой Лёша, засыпай!

Хочется завить от тоски, от понимания, что эта женщина любит меня чистой материнской любовью, не обращая внимания на внешность. С лица, как говорят, не воду пить. Да, говорят те, у кого с лицом всё в порядке. Побыли бы они в моей шкуре, послушал бы я их речи! Но сейчас нужно стиснуть зубы... нет зубов пока... тогда закрыть рот на замок и отпустить мать.

Не буду выть и орать, потому что мамке реально нужно спать, а мне подумать, что с таким несчастьем делать. Я уже и днём изрядно выспался, мог бы всю ночь жару давать, но я же не малец бессознательный, есть у меня совесть – спи, мама, спи спокойно! Чапай думу думать будет!

Лежу, плююсь в потолок, напрягая мозги и всё без особого толка. А что ты хотел, Лёха? Чуда? Чтобы взмахнул волшебной палочкой, прыгнул из чана с кипятком в чан с красной икрой и выскочил красавцем писанным, с ног до головы уписанным! Нет, так в реальной жизни не бывает.

Слышал краем уха в прошлой жизни, что пластическая хирургия творит чудеса, но где СССР и где пластические хирурги? Так что в ближайшие 30-40 лет мне такое счастье точно не светит! Эх, зажмуриться бы и забыть то изображение в зеркале – не знал и был счастлив! И несколько лет ещё бы прожил в полной уверенности в своей безупречности, а тут...

Зажмурился. Крепко-крепко. Не помогло. Не уходит тоска-печаль, множась глупостями и страхами, пугая перспективами. Вырасту, в садике детишки дразниться будут, в школе жизни не будет, про институт даже не думай, Лёха! Завербуюсь на Севера или в глухую тайгу лес валить, медведей пугать. Потом в армию, там с моей рожей самое то – враг страшиться будет до усрачки, а ты его бери тёплым и получай медаль за медалью, выходи в генералы.

Ага. Кто тебя с такой рожей в генералы пустит? Так и будешь в окопах ошиваться до конца срока службы, если не пришибёт кто из старшаков по пьяни. Не будет мне жизни с таким портретом в личном деле. Нужно что-то делать, а что? Что может сделать малец шести месяцев от роду? Ни-че-го! Хотя...

Что-то такое брезжит на краю сознания или... зрения? Какого зрения, Лёха, ты же глаза закрыл? Что-то знакомое... фиолетовое... трепещется где-то внутри... тянется ко мне, ластится, как котёнок. Это же... не может быть... моя чудесная сила, которой я соседа как-то до полного конфуза довёл, а мамку от ПМС избавил. Приятно вспомнить. И всё? Прямо волшебство какое-то, магия! Магия? Да нет, глупости, сказки всё это, простое совпадение и искры в глазах! Магии не существует, сказки всё это!

А если? А вдруг? Где наша не пропадала? Если это и на самом деле магия? Твоя магия, готовая всегда помочь, если попросишь! Нет. Не может быть. Бред сивой кобылы. С другой стороны, а что ты теряешь, Лёха? Утопающий хватается за соломинку, а тебе бревно предлагают! Или это бред отчаявшегося сознания, не желающего примириться с уродством собственного тела?

Не проверишь, не узнаешь! Давай, Лёха, вспомни свой нынешний уродливый образ! Да, ужасно, отвратительно, сейчас стошнит, а что делать? Любой процесс совершается из состоя-

ния А в состояние Б. Отбрось сомнения, нарисуй в сознании то, что увидел в зеркале, а затем представь, каким должен стать! Зачем? Блин, ты книжки не читал что ли? Совсем деревня? Это же фишка такая магическая, которая выручает героя в трудную минуту! Вспомнил? Во-о-о-т!

Следующий шаг – при родах помнишь, что было? Едва не закончилось всё печально, а потом бац, хлопнуло тем самым фиолетовым и родился так, что доктор у мамы не нашёл даже следов тяжёлых родов, а ты сам за один день вырос до четырёх месяцев по всем показателям! Эпическая сила, Лёха! Давай, пробуй, максимум ничего не получится! Хорошо дурью маяться, Лёха, делом займись! Война план покажет!

Вот теперь по-настоящему зажмурился, напряг редкие извилины, вспоминая дефекты внешности и представляя, как от них избавиться. В полной темноте появилась поначалу тусклая, но всё более разгорающаяся голубая звёздочка. Не глазами, каким-то внутренним взором вижу её сияние в груди, превращается звёздочка в сияющее голубое ядрышко, по которому пробегают фиолетовые всполохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.